

А. Ю. СОЛОВЬЕВ

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ И. А. ВТОРОВА (МОСКВА–ПЕТЕРБУРГ)

Среди обширного рукописного наследия Ивана Алексеевича Второва,¹ литератора конца XVIII — начала XIX в. (жил и трудился в Симбирске, Ставрополе, Самаре, Казани, несколько раз посещал Петербург и Москву) выделяется не опубликованный до сих пор в полном объеме текст, озаглавленный «Моя записная книжка с 1801 года» и датированный 1818 г. Беловая рукопись этого произведения хранится в РГАЛИ (в фонде Второва),² несколько машинописных копий с него, выполненных в XX в. потомками, — также в РГАЛИ³ и ОР РНБ.⁴ Внимание к воспоминаниям Второва было привлечено еще в XIX веке, впервые фрагменты из них были опубликованы М. Ф. Де-Пуле, как часть его хроники «Отец и сын» — о И. А. и Н. И. Второвых.⁵ Это были наиболее интересные для тогдашнего читателя части, касающиеся пребывания Второва в Москве и его знакомства с московскими литературными кругами — семейством

¹ Вацуро В. Э. Второв И. А. // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып 1: А–И; Зорин А. Л. Второв И. А. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1: А–Г. С. 497.

² РГАЛИ. Ф. 93 (Второвы И. А. и Н. И.). Оп. 1. Ед. хр. 24. 295 л.

³ Несколько единиц хранения в том же фонде.

⁴ РНБ. Ф. 163 (Второвы И. А. и Н. И., Синакевич О. В.). Ед. хр. 7. Экземпляр дефектный, не имеет конца.

⁵ Де-Пуле М. Ф. Отец и сын // Русский вестник. 1875. № 4–9. Перепечатано: Второв И. А. Казань в начале XIX в. // Русская старина. 1891. № 4.

Тургеневых, Н. М. Карамзиным, И. И. Дмитриевым и др. Яркие характеристики, данные Второвым московскому литературному быту периода самого конца правления Павла I и начала царствования Александра I, несколько затмили оставшуюся часть воспоминаний, относящихся в основном к самому Второву и его ближайшим друзьям; она осталась неопубликованной. Между тем во второй половине XX в. оформился исследовательский интерес к самому писателю и к его наследию. Обращения к материалам его воспоминаний как в рукописном виде, так и в машинописи многочисленны.

Воспоминания интересны не одной мемуарной стороной — свидетельствами современника об окружавших его людях и исторических событиях. Их можно рассматривать не столько как биографический материал, сколько как литературное произведение или даже объединенные под общим титулом несколько литературных произведений, отмеченных влиянием сентиментализма. По словам современного исследователя, «воспоминания Второва не только содержат ценнейшие сведения о столичной и провинциальной культурной жизни и служат важнейшим источником для биографии крупнейших русских писателей, но и отражают своеобразную личность автора, сложившуюся под сильным воздействием популярной в годы его молодости сентиментальной культуры».⁶ Фактически о том же писал автор некролога Второву, имея в виду дневник литератора: «Весьма замечательно в нем то постоянство, с каким он вел свои дневные записки начиная с раннего детства до глубокой старости. В этих записках, этой непритворной исповеди сердца, как в верном зеркале, отражается вся эта прекрасная душа, с ее благородными стремлениями, любовью к добру, стараниями за правду!»⁷

Изучение архива писателя показывает, что его обработанные произведения мемуарного характера часто основаны именно на дневнике, который он вел на протяжении многих лет, и уже на этапе дневника они получали художественное оформление. В полной мере относится это и к входящим в состав дневника и воспоминаний путевым заметкам, посвященным поездке из Москвы в Петербург в мае 1802 г. Первоначально записи о поездке велись в днев-

⁶ Зорин А. Л. Второв И. А. С. 497.

⁷ Цит. по автографу некролога, хранящемуся в РНБ (Ф.XVIII.61. Л. 64).

нике, там же подверглись первой авторской правке, а в 1818 г. были (с небольшими по сравнению с остальной частью воспоминаний поправками) включены в «Мою записную книжку...». Именно это обстоятельство, целостность фрагмента, позволяет нам считать его заслуживающим публикации отдельно от остальной части воспоминаний. Вопрос датировки произведения не решается однозначно. В тексте самих заметок есть указание на то, что они были полностью написаны и отправлены московским друзьям Второва в мае 1802 г., и хотя подтверждений этому мы не имеем, однако считать 1818 г. датой создания окончательной редакции путевых заметок, а не только датой включения их в состав воспоминаний оснований еще меньше.⁸

Собственно, путешествие Второва в широком смысле длилось два года от отъезда из Самары до возвращения в нее и включало длительное пребывание в Москве и менее продолжительное в Петербурге.⁹ Ироничное замечание повествователя предполагает возможность такой широкой интерпретации путешествия: «Хозяйка моей квартиры, спрашивая меня о месте, откуда я еду, приняла Симбирск за Сибирь и удивлялась, как можно ехать так далеко. Гаврила мой сказал, что мы уже едем с лишком год — что некоторым образом справедливо».¹⁰ Однако это не вполне справедливо для текста. В. Э. Вацуру, отмечая в составе дневника Второва автономный и более обширный, чем публикуемый нами, текст путешествия из Самары в Москву и Петербург, подчеркнул, однако, что включенное в него описание переезда из одной столицы в другую имеет композиционное сходство с «Путешествием из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.¹¹ Эти записки и по содержанию (подробное описание дороги), и по основному тону (критическое восприятие действительности) отличаются от остального повествования в «Воспоминаниях». Выделенный нами для публикации фрагмент текста начинается отъездом из Москвы и заканчивается прибытием в Петербург. Отъезд очерчен автором следующим пассажем:

⁸ Подробнее к творческой истории текста произведения мы обратимся ниже.

⁹ С начала 1801-го до конца апреля 1802 г. — в Москве, с мая по август 1802 г. — в Петербурге, в августе 1802-го Второв возвращается в Москву.

¹⁰ Здесь и далее при цитировании из публикуемого произведения ссылки на архивную нумерацию не приводятся.

¹¹ Вацура В. Э. Второв И. А.

«Вот часть из моих записок дорожных, которые по приезде в Петербург послал я в Москву к моим друзьям с первой почтой». Конец описания поездки также маркирован: «Итак, любезные друзья мои, теперь я на месте, кончилось путешествие мое до Петербурга. Я не буду уже скучать вам подробным описанием безделок и обыкновенных приключений, в дороге случающихся со всяким». Таким образом, Второв сам дает жанровое определение своему произведению. При этом он, во-первых, характеризует путевые заметки в русле традиции sentimentalного путешествия (обращенное к друзьям описание дорожных приключений, а именно «безделок»), во-вторых, указывает на то, что это цельный текст (записано в дороге, отправлено одним пакетом с первой почтой по приезде). Очевидно, существенные для Второва жанровые координаты заставили его обозначить отрывок, посвященный переезду, как путешествие или, вернее, путевые записки.

Отметим сразу несколько недомолвок автора. Прежде всего, нам неизвестно ничего о том, отправлял ли он что-либо друзьям в Москву, но заполненные описанием путешествия страницы дневника — явно подлинны и отражают его непосредственные впечатления. Кроме того, вошедшее в «Мои воспоминания» — это не *часть* путевых записок, а обработка *всего* связанного с поездкой материала, сохранившегося в дневнике Второва. Наконец, обыкновенность приключений, на которой настаивает мемуарист, тоже мнимая. Не все из «случающегося со всяким» во время путешествия входит потом в описание поездки, и подбор материала отличает текст Второва от большинства «травелогов» конца XVIII — начала XIX в. «Рамка» заметок написана позже и, по-видимому, отражает ретроспективный взгляд автора, повторяя общие места из подобных обращений к читателю.

Заявленное как типичный плод дружеского расположения к адресатам, путешествие Второва, впрочем, сразу же демонстрирует несоответствие между тоном обращения и дальнейшим изложением, резко отличающим его от других проявлений жанра.¹² Не будет пре-

¹² К опубликованным ко времени поездки Второва оригинальным образцам путешествий в России относятся «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, «Путешествие в полуденную Россию» В. В. Измайлова и «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1800 году» П. И. Сумарокова.

увеличением сказать, что основная тема на протяжении большей части повествования — изображение неприглядной реальности, с которой столкнулся путешественник между двумя столицами.

Только на небольшом пути от Москвы до Твери сконцентрированы дорожные впечатления исключительно с отрицательным знаком. Приведем перечень того, что подряд встретилось путешественнику: сюда не вклинилось ни одного происшествия, хоть сколько-нибудь положительного. Солдаты на станции, выпрашивающие деньги, дорожная пыль и грязь, преследовавший путешественника пьяный мужик на телеге, «буянство одного проезжего офицера», обидевшего почтальона, потерявший единственного сына ямщик, «безбожный» расчет хозяев квартиры, драка пьяных мужиков, ненастье, тяжелое положение просителя перед судейским чиновником, дотла сгоревшее поселение Городня и зрелище несчастных погорельцев. Обратим внимание: социальное зло и природные препятствия предстают на одном уровне восприятия. Перечисленный ряд производит вид намеренного нагнетания ужасов, вызывает в памяти образы книги Радищева и дает заподозрить, по аналогии с этим, рисовавшим жестокие картины русской действительности путешественником, что текст Второва — не запись увиденного в течение одной поездки, а по крайней мере обобщение эмпирических наблюдений автора, если не вообще компиляция услышанных или прочитанных историй.¹³

¹³ Отметим: ни прямых, ни косвенных свидетельств о знакомстве Второва с «Путешествием из Петербурга в Москву» нет. Другая аналогия — записки иностранцев в России, наполненные, в частности, и тем, что их неприятно поразило в ней, — также не годна для поиска источников, по той же причине. При этом можно назвать книгу, точно использованную Второвым и при подготовке к самой поездке, и в ее описании: *Глушков И. Ручной дорожник*. 2-е изд. СПб., 1802. Цитаты и реминисценции из путеводителя разбросаны по всему тексту Второва, и он сообщает о внимательном чтении этой книги: «Приготовляясь к отъезду в Петербург, я читал описание сего города и замечал, где и что мне там должно видеть любопытного; купил „Ручной дорожник“, в коем описаны все станции на расстоянии от Москвы до Петербурга, и рассчитывал, как выгоднее и безубыточнее ехать...» (РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 56 об.). Во втором издании «дорожника» приведена таблица прогонов, а также вместо описания маршрута София–Тосна–Любань–Чудово дано новое: София–Ижора–Тосна–Померанье–Чудово, что отражало реальное изменение пути между столицами (и по нему-то — в обратном порядке — следовал Второв). По всей видимости, было использовано это издание, что не имеет,

Один из наиболее красочных эпизодов, посвященный пьяной драке, демонстрирует, что отношение путешественника к народному быту все же скорее брезгливое, чем критическое: «Мимо квартиры моей прошел обоз. Вдруг сделался шум; я посмотрел в окошко и увидел, как пьяные тутошные мужики били некоторых из проезжающих. У одного лицо было всё в крови, другого, лежащего на земле, били кулаками и вязали ему руки. Женщины, выбежавшие из домов, били сковородниками и кулаками пьяных забияк. Это были их матери. Жалкая и смешная сцена. Крестьяне по воскресеньям *гуляют*, то есть напиваются до безумия. Теперь поутру или не проспались еще, или уже опохмелились. — Пьяный пастух ударил одного из проезжающих за то, что скотина из его стада забежала в обоз и едва не задавлена. Его толкнули за то, а может быть, и ударили самого. Он закричал, и вот вся причина драки. — Каково правосудие пьяных скотов! Каковы подмосковные мужики!»

Пристрастие Второва к изображению недостатков делает незапной перемену тона в Твери. Цитируя путеводитель и гуляя по городу, путешественник восхищается всем увиденным и на прощание прибегает к расхожую сентиментальную формулировку: «Я завидовал удовольствиям тверитян; они достойны сей участи. Никогда не забуду я прекрасного тверского воксала на берегу Волги. Прощай, любезная Тверь, с счастливыми добрыми жителями твоими!»

Но «чувствительные» описания в путешествии Второва все же редки. Только два места по дороге из Москвы в Петербург окрашены подобным образом — Тверь и Новгород. И если восхищение Тверью выглядит вполне наивным, то в Новгороде путешественник шутит над самим собой и своими ожиданиями о сохранении исторической памяти в народе (тема, открытая и развивавшаяся сентиментальной литературой). Переправляясь в сопровождении пожилой новгородской мещанки через Волхов к месту, где, по мнению, высказанному в путеводителе, располагался в древности город Славянск, он расспрашивает попутчицу о Гостомысле, о Вадиме Новгородском, о Марфе Посаднице, на что получает предсказуемо

однако, принципиального значения: текст «дорожника» остался в целом неизменным. Он предлагал почти официальный, вполне благостный взгляд на то, что может встретить путешественник на главной российской дороге; разумеется, никаких пьяных мужиков и жестокосердых начальников здесь нет.

невежественный ответ: «Што это, батюшка, святые, што-ли, были?» После этого она рассказывает нелепый бытовой анекдот о двух местных святых (противопоставленный историческому преданию в литературной обработке, бывшему источником воодушевления второвского путешественника), один из которых выгонял другого со своего огорода, и последний, споткнувшись о кочан капусты, получил за это прозвание «Кочанов» (речь о действительно почитавшемся в Новгороде святом Николае Кочанове). Этот контрастный эпизод, как нам кажется, проливает свет на функционирование сентиментальных фрагментов в тексте путевых записок: их наличие в меньшей степени показатель зависимости автора от традиции и в большей — спор с нею. Столкновение ожиданий, продиктованных прочитанным, с увиденным собственными глазами несет в себе полемический заряд по отношению к формировавшейся традиции.

Будучи практическим филантропом на государственной службе, Второв в то же время — не в последнюю очередь благодаря многочисленным поездкам по должности¹⁴ — знал реальную жизнь страны без прикрас. Развенчать несколько идеализированные представления о простом народе, зародившиеся в литературе сентиментализма, было бы для него естественной и несложной задачей. При этом сентименталистское восприятие действительности вызывает его отпор не столько в содержательной части, сколько как подражательная и несамостоятельная форма выражения. Как раз перед отправлением в дорогу он касается вопроса о художественных достоинствах «Путешествия в полуденную Россию» В. В. Измайлова в споре с истовым защитником последнего — Н. А. Куниным, ставившим Измайлова выше Н. М. Карамзина. Этот эпизод также остался в неопубликованной части воспоминаний и заслуживает того, чтобы привести здесь выдержки из него: «Вчераш зашел я купить Измайлова Путешествие в Университетскую лавку. — Тут какой-то молодой человек Н. К<унин> <...> перервал сей разговор <...>. Я читал некоторые места из „Путешествия“ Измайлова — для меня бесподобного человека. Я влюблен в сочинения такого рода. Г. Ку<нин> в лавке утверждал с определенностью, что он пи-

¹⁴ См. его путевые журналы, ведшиеся в должности заседателя самарского нижнего земского суда: РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 220–227.

шет превосходнее Карамзина. Я не нашел за нужное вступать с ним в диспут, а сказал только, что он подражает Карамзину очень близко».¹⁵

Сошедшийся в Москве с братьями Тургеневыми Второв несомненно был знаком с их оценками актуальной литературы, в частности, должен был знать мнение Ан. Тургенева о произведениях Измайлова и других сентиментальных писателей второго ряда.¹⁶ Провинциальный новичок мог противопоставлять этим авторам не только Карамзина, но и собственное произведение. Вместо готовых формул, называющих, но не описывающих чувства (хотя и им находится здесь место), в путевых заметках Второва мы видим стремление умного и насмешливого наблюдателя передать свои подлинные чувства и переживания. И значительно позже времени своего путешествия Второв проявлял недоверие к излишнему выражению чувствительности. Его тетрадь с выписками из прочитанных книг содержит следующее мнение о «Путешествии в Молдавию, Валахию и Сербию» (1810) Д. Н. Бантыш-Каменского: «Книга сия довольно любопытна и занимательна, имеет хороший слог и хорошие мысли, исключая некоторых неправильных выражений и ошибок (так! — А. С.) против языка. Я не знаю, почему автор <...> в каждом почти письме и даже весьма некстати единообразно повторяет „любезный друг“, между тем как и камердинера своего, по-видимому в насмешку, называет „любезный камердинер“, и киевский Леванда у него также „любезный проповедник“; одним словом, почти нет никакого другого прилагательного кроме „любезный“».¹⁷

¹⁵ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 135.

¹⁶ Отзыв Ан. Тургенева о «Путешествии в полуденную Россию» В. В. Измайлова см. в его письме к отцу от 16 мая 1802 г.: «Вы изволите читать Измайлова, я еще не читал его; но осмеливаюсь не согласиться с вами в похвалах ему <...>. В нем одно принуждение, одна натяжка; он не оттого пишет, что смотрит на прекрасный предмет, но смотрит для того, чтобы написать о нем; а ничего нет хуже. Конечно, с этою ложною силою описал он и свидание с кормилицей и торжество природы в ту минуту, как он подал копейку нищему у заставы. Но посмотрите же, извольте прочесть в Карамзине многие места, которые, хотя не имеют этой мнимой силы, но трогают гораздо, гораздо более» (Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2. С. 92).

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 90 об. Отметим близость этого высказывания к защите карамзинистами категории вкуса.

Впрочем, говорить о неприязни к сентиментализму автора, высоко ценившего творчество Карамзина и Августа Коцебу и публиковавшегося в «Приятном и полезном провозждении времени», вряд ли приходится. Скорее, следует говорить о недовольстве несоответствием между сентиментальным слогом и сентиментальной же установкой на «невывышленность», «документальность», заданной Карамзиным в «Письмах русского путешественника».

Следует также учесть, что полемизировать Второв мог не столько с сентиментализмом, сколько с его изводом в менее притязательной литературе. Упомянувшийся путеводитель И. Глушкова «Ручной дорожник» так описывает занятия сельских жителей (и в этом описании сентиментальный стиль практически растворяется в хвалебно-рекламном стиле «дорожника», от него остаются только отдельные выражения и образы): «Нет ничего интереснее для городского жителя, как в праздничный день проезжая мимо какого-нибудь селения, видеть деревенские веселости. Все тогда на улице — ребяташки в белых рубахах толпами прыгают и резвятся — прелестные девушки в красных сарафанах то рядами прогуливаются по селу и поют дышащие чистою любовью песни, то веселятся на качелях, то, составя кружок, под звон скорой русской песни резво пляшут, с ними разделяют веселье щеголивые крестьяне, умильно взглядывают на своих любезных и, будучи награждены благосклонною улыбкою, со всею живостью продолжают игры, а несчастные в любви, удаляясь под тень кудрявой липы, томно выражают в чувствительных песнях тоску огорченного сердца своего — недалеко оттуда пожилые крестьянки любят на легкую резвость дочерей своих; между тем как румяные молодухи нежно переглядываются с мужьями, которые под навесом клетки богатого старосты разговаривают с почтенными сединою старичками — словом, все тогда веселятся, радуются от чистого сердца и многоразличными, но невинными шутками разгоняют свои годовые заботы и печали».¹⁸

Именно этой «обывательской» чувствительности, приторно восхваляющей сельскую простоту, противостоит, развенчивая ее, и приведенный выше эпизод с пьяными подмосковными мужиками, и все произведение Второва.

¹⁸ Глушков И. Ручной дорожник. С. 97–98.

* * *

Как уже было сказано выше, мы располагаем не только обработанным текстом путевых заметок Второва в составе его воспоминаний, но и подлинным журналом путешествия на вшитой в дневник тетрадке.¹⁹ Бумага, соответствующая времени поездки, расположение материала на листах, листов относительно друг друга, последовательность использования чернил и крайне неровный почерк убеждают в том, что перед нами документ, созданный не только одновременно, но и «где и как случилось, дорогою, на лоскутках, карандашом».²⁰ Наличие первоначальной редакции позволяет судить не только об изменениях, внесенных в текст, но и о том, какие особенности произведения возникли в нем уже на первой стадии оформления.

Тетрадка, в которой велись записи путешествия, начинается еще московскими заметками. Несколько первых листов заполнены одним типом чернил, вслед за ними вставлен лист другого формата, с другими чернилами (те же чернила использованы для правки предыдущего текста). Он содержит несколько упражнений в стилистической перелицовке предназначенных для вставки фрагментов. Места для их помещения в основной текст отмечены специальными знаками. Оставшиеся листы заполнены третьим типом чернил, исправления на них, по-видимому, производились одновременно с написанием. В конце заметок идет запись от 7 мая, выполненная дрожащим почерком: «Утро 5 часов. Итак, я в Петербурге»,²¹ а затем запись лишь от 9 мая, содержащая подробное описание въезда в город.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 135–144.

²⁰ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984. С. 393 (сер. «Литературные памятники»). Если сравнить эти записи со сделанными в бытность Второва в Москве, то степень подробности дорожных записок впечатлит: в дневнике московскому периоду с начала 1801 г. до поездки в Петербург (то есть больше года) уделено всего семь листов (л. 128–134 об.), тогда как путешествию в столицу — девять (л. 135–144). Сам автор с сожалением вспоминал, что в Москве мало записывал «любопытнейших вещей»: «В праздности и суетах московской жизни моей я не удосуживался тогда записывать в своем журнале всех любопытнейших предметов и происшествий, мною виденных. Жалею о том сердечно» (РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 47).

²¹ Там же. Ед. хр. 17. Л. 144.

Итак, имеющийся в нашем распоряжении материал включает первоначальный слой и одновременную его обработку. По характеру записей трудно предположить, чтобы дневник заполнялся значительно позже, чем происходило описываемое в нем. Скорее всего, в свободные минуты Второв заносил сведения о событиях последнего дня.

При сопоставлении двух редакций видно, что журнал путешествия практически не претерпел изменений, перейдя в новое произведение.

Дневник. Первый слой	Дневник. Правка	«Моя записная книжка...»
<p>Ивановая колокол<ья> — Сухарева башня и московск<ая> Бастилия всего более были в виду моем. Сия последняя привела меня в размышление. — Из идеи в идею, и я готов был приписать некоторое добро и совершенным злодеям, извинять их и соразмерить наказания. Между сих размышлений, проехавши петров дворец, я и не чувствовал, как меня сзади подталкивают, скачущую лошадь с пьяным мужиком <sic>. Другая лошадь еще за ней привязана была к передней назади ей. Сбоку в телеге лежал нис лицом и блевал. Закричал я, чтоб он не близко наезжал; он <нрзб.> нарочно погнал лошадь почти на телегу. Я, видя его бесчинствие, погрозил ему палкою. Подошел к его телеге, замахнулся на него палкою и ударил по пыльному зипуну его. <...> признаюсь, что я в сию минуту забывал человеческое, и о</p>	<p>Ивановая колокол<ья> — Сухарева башня и московск<ая> Бастилия всего более были в виду моем. Сия последняя привела меня в размышление. — Из идеи в идею, нравственность, страдание, сердце мое жалело о неща<стных> преступниках, и я готов был приписать некоторое добро и совершенным злодеям, извинять их и соразмерить наказания. Между сих размышлений, проехавши петров дворец, я почувствовал что меня сзади подталкивают, оглянулся и увидел скачущую лошадь с пьяным мужиком, кача<ющимися> в т<елеге>. Другая лошадь еще за ней привязана была к передней назади ей. В телеге лежал нис лицом бесчувственный уже труп. — Не наезжай! кричал я переднему пьянице; он нарочно погнал лошадь и более толкал меня. Я погрозил ему палкою, он всю не унимался. Принужден</p>	<p>Ивановская колокольня, Сухарева башня и Московская бастилия, или городской тюремный замок, более всего были видимы. — Сия последняя привела меня в размышление: сострадательное сердце мое жалело о несчастных преступниках, я полагаю некоторое добро и в совершенных злодеях, готов был извинять их и облегчать наказания. Между сих размышлений почувствовал я, что меня сзади подталкивают, оглянулся и увидел скачущую лошадь с пьяным мужиком, качающимся в телеге; к ней привязана была другая лошадь с телегой же, на которой лежал вниз лицом уже бесчувственный труп, изрыгающий винный смрад. — «Не наезжай!» — кричал я переднему пьянице. Он нарочно погнал лошадь и больше начал толкать меня. Я погрозил ему палкою, но он всё не унимался. Принужден</p>

Дневник. Первый слой	Дневник. Правка	«Моя записная книжка...»
Московской Бастилии сделались совсем другие мысли.	остановиться, подошел к его телеге, замахнулся на него палкою и ударил по пыльному зипуну его. <...> Какова первая встреча! — признаюсь, что я в сию минуту забывал все доброе в человечестве, жесток был для злодеев и о Московской Бастилии переменял свои мысли. ²²	жден остановиться, подошел к его телеге, замахнулся палкою и ударил мунулика по пыльному зипуну его <...> — Какова первая встреча! Признаюсь, что я в сии минуты забывал всё доброе в человечестве, жесток был для злодеев и о Московской бастилии переменял свои мысли.

Почти всем эпизодам окончательной редакции путевых заметок в свою очередь находят соответствия в журнале. Единственный случай, когда сильно меняется внешнее оформление эпизода, следующий. Повествователь с драматическим эффектом прерывается на самом интересном месте рассказа о странном поведении ямщика:

Не доезжая до Зимогорья версты четыре, ямщик мой вдруг соскочил с козел и, не сказав ни слова, побежал изо всей силы в сторону — далее — далее, в овражек, в лесок и — скрылся. Представьте меня на крутых холмах, между лесов и пропастей, в темную ночь, едва освещаемую из-за тучи луною, одного с моим Гаврилою. — «Что ему сделалось? — думал я. — Не помешался ли он в уме? — Нет ли у него какого злодейского умысла? — Что нам делать? — Куда ехать?...» Тысячи химер кружили мою голову...

Продолжение было оставлено до другого времени.

После этого приводится письмо из Торжка, отчасти повторяющее уже описанное в путешествии и якобы отправленное в Москву 29 апреля (судя по дневнику, Второв прибыл в Торжок в ночь с 29 на 30 апреля), а после — продолжение истории о сбежавшем ямщике:

Я был с четверть часа в таком положении, как появился наш беглец из леса с двумя деревянными брусками.

— Что с тобой сделалось?

— Да вот спрятал давеча в лесу и насилиу нашел, — отвечал он мне.

Браниться с ним было бесполезно, я посоветовал ему вперед не пугать так сумасбродно своих пассажиров.

²² РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 135–135 об.

В дневнике этот фрагмент выглядит иначе. Последняя фраза первой части истории составляет единое предложение с первой фразой второй части: «Тысячи химер кружили мою голову, и я был около четверти часа в таком положении, как появился наш беглец из лесу».²³ При новом обращении к тексту автор внес в него элемент игры с читательским ожиданием.

При этом все остальные фрагменты, происхождение и оформление которых можно связать скорее с литературной обработкой, чем с реальными дорожными впечатлениями, — те, что кажутся сконструированными и нарочно вставленными в повествование: чтение путеводителя и восторги по поводу Твери, противопоставление народной и исторической памяти в Новгороде и т. п., — появляются уже в журнале путешествия. А число неприятностей на дороге между Петербургом и Москвой после обработки дневника даже уменьшено. Так, например, удалено описание караульного офицера на Тверской заставе, которого путешественник застал не в надлежащем виде, смягчены выражения, касающиеся догонявших повествователя пьяных мужиков и т. п. Содержательная правка сосредоточена в основном уже в тексте дневника и, как сказано выше, одновременна его заполнению, а во второй редакции, за исключением проанализированного выше композиционного решения, изменения только стилистические.

Таким образом, мы имеем дело с произведением-фрагментом произведения большего объема, функционирующим внутри разных эпистолярных жанров — дневника и воспоминаний — обладающим постоянным набором характеристик, связывающих его с традицией путешествия в литературе сентиментализма, и одновременно отчасти противостоящим ей. Именно столкновение непосредственных впечатлений очевидца с заданными традицией стилем и образом сентиментального путешественника (и в редакции дневника, и в редакции воспоминаний) определяет своеобразие путевых записок И. А. Второва и позволяет прочесть их как литературный эксперимент начала XIX в.

²³ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 140 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текст публикуется по беловому автографу «Моих воспоминаний» Второва, хранящемуся в РГАЛИ (Ф. 93. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 57–95 об.). Пунктуация и орфография приведены в соответствие с современными нормами, за исключением имен собственных, некоторых заимствованных слов, диалектизмов, имитации простонародной речи и речи иностранцев; в области пунктуации сохраняется тире между фразами, обозначающее паузу. Примечания Второва даются подстрочно.

И. А. Второв
<Дорожные записки>

Вот часть из моих записок дорожных, которые по приезде в Петербург послал я в Москву к моим друзьям с первою почтою.¹

Для вас, мои почтенные друзья, написал я сии записки. Любя меня, вы желали знать, где я буду, что увижу и что приключится со мною. Вместо частых писем моих, буду сообщать вам отрывки из моей записной книжки; вы не найдете в них ни приятного слога, ни умных замечаний, но узнаете, где был друг ваш, что видел и чувствовал,² — много мелочи, вздору; но мелочь и вздор отсутствующего друга — ежели любят его — бывают иногда занимательны.

Можно ли сомневаться мне в любви вашей, после такого опыта? Больше года жил я как ближний родственник в добром любезном семействе и приятном обществе ваших родных и знакомых. Любовь и ласки ваши сильно привязали к вам мое сердце. Вы помните, с каким чувством я расставался с вами: сердце у меня так стеснено было, что я ни слова не мог сказать вам при прощании; поспешно скрылся от вас из вида и до самой заставы сидел, как осужденный преступник, повеся голову. Я не стыжусь слабости детского сердца моего; но на что пустословить, вы меня коротко узнали.³

Апреля 27. Воскресенье. 6 часов пополудни.

Тверская застава. «Стой! — закричал часовой у шлагбаума. — Надобно записаться». Я взшел в кордегардию. Молодой офицер Навагинского полка,⁴ украшенный Мальтийским орденом,⁵ взял мою подорожную и приказал записать ее. Дело кончено в две минуты. Прощайте, сударь! Я сел в повозку. — Первый солдат у дверей, второй у фронта, третий у шлагбаума, — все трое просили на квас; я всех наделил по... слову и по-скакал с звоном колокольчика по пыльной дороге. Вы видели экипаж мой, знаете тогдашнее время;⁶ до Петровского дворца⁷ я уже засыпан был весь пылью. — «Поезжай тише», — сказал ямщику и, обернувшись, устремил

взоры свои на громаду Москвы, любовался картиною города и его окрестностей, до тех пор покуда скрылась сия громада из виду. Ивановская колокольня,⁸ Сухарева башня и Московская бастилия, или городской тюремный замок, долее всего были видимы. — Сия последняя привела меня в размышление: сострадательное сердце мое жалело о несчастных преступниках, я полагал некоторое добро и в совершенных злодеях, готов был извинять их и облегчать наказания. Между сих размышлений почувствовал я, что меня сзади подталкивают, оглянулся и увидел скачущую лошадь с пьяным мужиком, качающимся в телеге; к ней привязана была другая лошадь с телегой же, на которой лежал вниз лицом уже бесчувственный труп, изрыгающий винный смрад. — «Не наезжай!» — закричал я переднему пьянице. Он нарочно погнал лошадь и больше начал толкать меня. Я погрозил ему палкою, но он всё не унимался. Принужден остановиться, подошел к его телеге, замахнулся палкою и ударил мужика по пыльному зипуну его, сел опять и поехал прытко. Пьяный мужик скакал за мною изо всей силы, кричал, что он свяжет руки и ноги и что он сам графский (Шереметева).⁹ Провожая меня таким образом более четырех верст, отстал. Напоследок, когда мы уже отъехали около трех верст, он прискакал опять, уже верхом и, с бешенством ругая, ехал перед нашими лошадьми, брал их несколько раз под уздцы, не давая бежать им. — Ямщику моему пришла сильная охота побить его, и он надрывался с досады, но я не велел ему. Наконец мы принуждены были остановиться. Я с грозным видом говорил ему, что в первом селении велю связать его как разбойника. Он отъехал в сторону и сбоку еще конвоировал меня более версты, ругал жестоко, прибавляя часто к своей брани: «Табашник!»¹⁰ — Бедная лошадь его была измучена и, может быть, одно это только заставило его отстать от нас. Ямщик мой видел, как он ковырял у себя нос до крови. — Я не знаю, какое имел он намерение. Близ десяти верст гнался он за нами, однако ж, проезжая чрез два небольшие селения, отставал, а догонял опять в поле. — Какова первая встреча! Признаюсь, что я в сии минуты забывал всё доброе в человечестве, жесток был для злодеев и о Московской бастилии переменил свои мысли.

Черная Грязь. 28 верст от Москвы. — Первый весенний вечер встретил я в поле на чистом воздухе. Городской шум уже не окружал меня. Сижу теперь в крестьянской избе; на улице раздаются женские голоса хороводных песен. Давно уже не слыхал я сельских утешений, даже и гул шумящей толпы мужиков, около повозки моей собравшихся, приятен для моего слуха. — Я пишу записку к вам с московским ямщиком моим, между тем как словоохотный почталион записывает мою подорожную и рассказывает мне о буянстве одного проезжего офицера, обидевшего его с женою, на которого он послал рапорт. Старуха смотрит на часы мои и гово-

рит мне: «Какой ты добрый барин, говоришь с нами, а к иному боимся мы и подойти». — «Не прикажете ли чайку, ваше благородие?» — сказал почталион, вытянувшись. — Вошедший ямщик: «Лошади готовы, сударь». — Прощайте! я поехал.

Апреля 28. Понедельник. 6 часов утра.¹¹

Пешки, вторая станция от Москвы. — Из Черной Грязи вез меня бедный старик, рассказывал дорогою, как он недавно лишился кормильца своего, последнего сына, оставившего ему жену и детей. «Какой был добрый, работающий парень!» — говорил он, прерывая голос рыданием. Лунная ночь позволяла мне видеть слёзы, горестное движение лица его и — сострадать ему. Мы приехали в Пешки перед утренней зарею, остановились ночевать в одной крестьянской избе, близ почтового двора. Я спал мало и очень худо, голова моя разболелась. На тех же лошадях с бедным стариком еду до Клина. Расчет хозяина со мною был самый безбожный: за остаток ночи, которую я промучился в беспокойной избе его, взял он столько, сколько берут за сутки в трактирах; за ложку сливок 10 коп<еек> и столько же за огонь, на котором варили мне кофе.

Мимо квартиры моей прошел обоз. Вдруг сделался шум; я посмотрел в окошко и увидел, как пьяные тутошние мужики били некоторых из проезжающих. У одного лицо было всё в крови, другого, лежащего на земле, били кулаками и вязали ему руки. Женщины, выбежавшие из домов, били сковородниками и кулаками пьяных забияк. Это были их матери. Жалкая и смешная сцена. Крестьяне по воскресеньям *гуляют*, то есть напиваются до безумия. Теперь поутру или не проспались еще, или уже опохмелились. — Пьяный пастух ударил одного из проезжающих за то, что скотина из его стада забежала в обоз и едва не задавлена. Его толкнули за то, а может быть, и ударили самого. Он закричал, и вот вся причина драки. — Каково правосудие пьяных скотов! Каковы подмосковные мужики! — Я проехал мимо остановившегося обоза, коего хозяева кланялись мне и жаловались на обиду обывателей. Я советовал им просить в ближнем городе.

В 7 верстах от Клина любовался я прекрасным местоположением одной помещицкой деревни с домом и садом; а близ самого Клина составлял приятную картину построенный недалеко от дороги на возвышении большой господский дом с проспектами к дороге и к городу.

Погода переменилась. Я приехал в город *Клин* ненастным временем. Полился сильный дождик, когда я проезжал мимо дворца под гору чрез мост.¹² Остановился в трактире вместе с проезжающим генералом Рожновым.¹³ Здесь еще принялся я за дорожный гостинец ваш, мои любезные! За 10 ко<пеек> разогрели мне пирог, раздробленный дорогою. Я ел с аппетитом и с приятным воспоминанием добрых друзей моих, к которым так

привыкло мое сердце. — Между тем проглянуло солнышко, я пошел прогуливаться по городу, остановился близ каменной соборной церкви на возвышенном крутом берегу Сестры-реки, смотрел на ее течение между зеленых кустарников и лугов, освещенных весенним солнцем. Взглянул на каменные судебные места¹⁴ и видел, как вышли из них два человека, один в сертуке и круглой шляпе, другой в длинной шинели и превеликой шляпе, распушенной на шнурках. Они пошли в разные стороны. Пред последним изгибался какой-то проситель в русском кафтане с открытою головою, раза два останавливались, проситель нагибался и говорил как будто по секрету, кланялся низко и опять вытягивался почтительно. — «Верно, — подумал я, — под сим шатром распушенной шляпы скрывается *Юстиция*», — и возвратился на квартиру.

Ко мне пришел старик с блюдечком, в котором накрыт был засаленным платком медный образ, кланялся и просил у меня на построение церкви.

— Я вижу, ты сам беден, — сказал я ему.

— Беден, батюшка.

— Возьми же себе 50 ко<пеек>, а для Бога есть неистощимое богатство, лучший величественный храм его — Природа; он не требует наших подаяний, но добрых дел.

Старик отвесил мне низкий поклон и возвратился, не положи в блюдечко моего пятишника. Я выехал из Клина в сильный ветер и сырую погоду, избавясь деньгами и словами от разных прошаков.

В *Завидове* скоро переменял я лошадей и поехал не в *Городню*, где прежде была станция, а в *Воскресенск*, отстоящий на 31 версту от Завидова. Городня, чрез которую мы проезжали, выгорела вся дочиста.¹⁵ Мы ехали каменную мостовую по бывшей их прямой улице; везде видны были обгорелые пни и развалившиеся печи, — где-где шалашик. Во многих местах наложен лес, и начинают вновь строиться. На всяком шагу бедные, обоих полов ребятишки в раздранных рубищах просят милостину; даже при выезде из селения бежало за нами множество ребят сих, умоляя о подаянии. Я бросил им несколько мелких денег; вдруг закричали в несколько голосов: «Спасибо!» и отстали от нас.

На сей дороге увидел я знакомую реку мою Волгу. Она так узка здесь в берегах своих, что нельзя ее почесть за ту величественную реку, которая орошает отдаленное жилище мое.¹⁶ Становилось уже темно, как подъехали мы к славному большому мосту на арках, построенному из гранитного камня. Я худо рассмотрел его за темнотою. От сего места недалеко остается до Твери.

Апреля 29. Вторник. Утро. *Тверь*, от Москвы 162 версты.

Я теперь в Твери, прекрасном городе, но не видал еще его, приехал в темную ночь. От заставы ехал я длинною перспективною улицею, обса-

женной березками. Остановился в трактире, близ почтового двора. Здесь-то отдохнул я и выспался покойно, в хорошей отделенной горнице под № 2 и на хорошей софе. Собираюсь ходить по городу.

Иду по большой прекрасной улице, называемой *Миллионною*, мимо судебных мест к крепости. Круглая площадь против сих судебных мест меня останавливает. Я рассматриваю высокую каменную пирамиду, читаю на ней надпись, показывающую расстояние <от> обеих столиц и означающую памятник царствования Екатерины II, при коей началось строение прочной дороги между столиц.¹⁷ Иду далее; по обеим сторонам высокие каменные дома, на левой погребов и лавки под домами. Мимо меня проходит какой-то инвалидный офицер, кланяется с претолстою купчихою, стоящею у ворот, у которой лицо расплылось от жиру.

— Как поживаешь, Феклистьевна? — спросил офицер.

— Помаленьку, сударь!!

— Ну, слава Богу.

Я улыбнулся, прошел мимо гостиных рядов в крепость, к гоубт-вахте. В сие время был вахтпарад. Я посмотрел на тверских гарнизонных солдат и офицеров, взшел в соборную церковь¹⁸ — тогда служили обедню. Священник говорил проповедь человекуам десяти, не более. Внутренность церкви великолепная. Вместо крылосов сделаны хоры на колоннах, поддерживающих своды, на которые всходят по наружным лестницам с перилами. На правой стороне написана большая картина, изображающая Екатерину Великую во весь рост, в порфире, короне и с скипетром; Павел и Мария по сторонам ее, а назади Вера, Надежда и Любовь с их символами. На левой стене такой же величины, но худшей работы историческая картина, представляющая Соломоново правосудие между двух матерей о спорном младенце.

Из церкви прошел я к Волге, мимо семинарии, зажал уши от визгу попovichей, учащихся петь. Стою теперь на высоком берегу Волги. Вид восхитительный! — Здравствуй, родная река моя! Я приветствую тебя, как милого друга, с которым давно расстался. Сколь часто, царица вод моего отечества! сиживал я на крутых каменистых берегах твоих, в ясные дни весны и лета! Смотрел на зеркальную поверхность величественных струй твоих, позлащенных вечерним солнцем, — смотрел и восхищался! — С малолетства я утешался тобою, плавал по хребтам твоим, всегда с удовольствием. Меня не утешали и бурные валы твои, когда ты плещешь ими в берега свои с ужасным шумом, обламываешь большие глыбы, разбиваешь суда. Я не видал, однако ж, больших несчастий и несчастных, поглощенных волнами твоими, и потому любил во время бури смотреть на разгневанную стихию.¹⁹

Тихими шагами, с сердечным удовольствием иду по высокому крутому берегу Волги, любуясь скромным ее течением. Тверские солдаты в нескольких лодках переезжают на другую сторону с барабанным боем. Картина прекрасная! Там, на другой стороне реки, огромные каменные дома с колоннадами и церкви украшают сию картину. Я подхожу к одному из тверских граждан, стоящему на берегу, расспрашиваю его о городе. Вежливый гражданин, стоя без шляпы, мне рассказывает.

— Где Отроч монастырь²⁰ ваш? Где воксал?²¹

— Извольте смотреть вправо: видите, на другой стороне между Волгою и Тверцою,²² на самой стрелке; а воксал еще далее, на сем берегу Волги. Ежели угодно вам погулять, подите к Тресвятскому монастырю.²³ Там местоположение вам понравится, вы увидите и архиерейский дом в роще.

— Какой прекрасный у вас город, верно, весело вам жить здесь?

— Да, сударь, весело, кому есть чем жить, но бедных не утешает веселое место, бедных много и здесь.

— Так, мой друг, бедные осуждены к такой участи во всех местах, однако ж имеют свои сердечные утешения и не завидуют богачам.

Расставшись с ним, пошел я на вал, окружающий крепость (он довольно высок и обширен), остановился и с удовольствием смотрел на соборную церковь и дворец с садом. Ласковый гражданин прошел мимо меня, кланялся со мною как со знакомым и проводил меня до гостиных рядов.²⁴ Тут я обошел все верхние и нижние лавки, видел четырех дам здешних. Приятная физиогномия одной из них мне понравилась, — может быть, по некоторому сходству с моим сердечным другом. Несколько раз встречался я с нею в разных лавках, торговали вместе платки. Забавным расчетом моим с купцом мне удалось выманить приятную улыбку ее.

Тресвятский монастырь, окруженный прудами, кажется на острове. Я видел его прекрасное местоположение издали, сквозь дождевые капли. Шедши к нему, вдруг полился сильный дождик, и я принужден был, измоченный, возвратиться на мою квартиру. Я заметил, что здешние жители довольно учтивы: многие из встречающихся со мною мне кланялись. Как жаль, что такое дурное время не позволяет мне наслаждаться прогулкою.

2 часа пополудни. Сию минуту возвратился я из воксала. С каким удовольствием там я прогуливался, несмотря на мрачную сырую погоду! Нигде, ни на котором берегу Волги в наших местах, кажется, не видал я такого прекрасного места. Может быть, искусственное украшение придавало более приятности. Я исходил все аллеи, тропинки, холмики и был во всех беседках. Везде любовался чистотою и приятностью, сидел в одной беседке на берегу Волги. Против глаз моих была величественная река, на другой стороне ее, при впадении *Тверцы* на самом углу стоит *Отроч монастырь*, тот самый, в котором прекрасный отрок Григорий, любимый

паж Ярославов, оплакивал злосчастную страсть свою к едимоновской красавице, томился в горести и кончил свое страдание — смертью...²⁵ По обеим берегам Волги строение. Множество барок на сей реке тянутся лошадьми против течения ее и в реку Тверцу. Я развернул свой дорожник, читал письмо любезной тверитянки, восхищался приятным описанием невинных удовольствий и забав блаженных тверских жителей. Вот что между прочим пишет она к своей приятельнице о воксале:

«Это публичный сад, лежащий на крутом берегу Волги, в котором непроницаемые липовые аллеи на английский вкус, проложенные в лесочках дорожки, разнообразны в тени беседки, дерновые на лугах софы, для народа поставленные качели составляют по наклонности каждого особый род прогулки и удовольствия. Многолюдство в нем бывает великое, но доброе воспитание содержит каждого в кругу своего состояния, так что подобного порядка и тихости едва ли где сыскать можно... Так, моя милая! И на холодном краю севера, и на цветущих равнинах романической Гишпани, в огромных палатах и в бедной хижине, с доброю душою, чувствительным сердцем, умея быть довольною, равно можно наслаждаться благополучием».²⁶

Чувствительный, нежный автор! Может быть, несколько раз ты сживала на сем месте, где я сижу теперь. Наслаждайся, милая, всегда достойным тебя благополучием здесь, на прекрасных берегах Волги, в приятном тверском обществе, не завидуй шумным московским собраниям! Там на бульваре, на гуляниях вместе с пылью можно проглотить и отраву для невинного сердца.²⁷

Возле беседки сей рассматривал я надписи, вырезанные на березах французскими и русскими литерарами, взошел на самый верх другой беседки по худой лестнице и обломком стекла написал над разбитым окном: «Я здесь был апреля 29 1802 года». Сошел вниз, гулял по берегу, смотрел по течению Волги, послал несколько вздохов на свою сторону, в те места, где питал я лютый яд в моем сердце и где наслаждался небесными восторгами. — Здесь несколько рабочих людей делали качели; полицейский офицер, надсматривающий за ними, сказывал мне, что к 1-му числу мая приготовляются публичные увеселения. — Сравните свое московское гуляние в немецких станах, где бедные невольники, заключенные в каретах, боятся опустить стекло, чтобы не задохнуться от пыли, и не смеют выехать из цепи карет, тянувшейся (так! — *А. С.*) на несколько верст. Я завидовал удовольствиям тверитян; они достойны сей участи. Никогда не забуду я прекрасного тверского воксала на берегу Волги.

Прощай, любезная Тверь, с счастливыми добрыми жителями твоими! Я выехал из нее в самую бурную погоду; северный ветер дул мне в лицо, дождик насквозь промочил меня. Волгу переезжал на барке, простился

с сею рекою, проехал заставу и верстах в 4-х от города Малицкий монастырь;²⁸ взглянул издали на город, на Девичий монастырь и на архиерейский дом, — больше не видал ничего до Медного.

В *Медном* у почтового смотрителя горячие щи с ветчиною показались мне вкуснее всех московских бальных столов. Тут явился ко мне человек в худом платье, назвавший себя ротмистром Доможиров<ым>, и просил подавания. Я расспрашивал его о состоянии и о том, что довело его до такого положения, и узнал, что слабость к пьянству была причиною всей расстройки его. Он имел деревню поблизости сего селения, но братья его каким-то образом укрепили ее за собою; жена оставила его и живет в Москве...

«Возьмите 25 ко<пеек>, извините, что я не в состоянии более помочь вам». — Везде просят денег: ямщики, старосты, хозяева, бедные, больные с отгнившими носами, с изуродованными членами. Ни в одном селении не избавляли меня от каких-нибудь посторонних требований.

Дорога от *Медного* до *Торжка* была приятна. В левой стороне по Тверце множество барок тянулось на лошадях. Ямщик мой скакал во весь дух. Мы пролетели быстро по мосту через реку, мимо двух пешеходцев. На горе остановились, я вышел из повозки и пошел пешком. Один из пешеходцев, купец из Торжка, кланялся мне и просил позволения довести его до Торжка, порядился с ямщиком, сел с ним на козлы — и поскакали. Он рассказывал дорогою о своем городе, о старообрядческой церкви, которую позволено выстроить в 3-х верстах от города; говорил о раздорах сих старообрядцев, что некоторые из них недовольны тем, для чего духовное правительство светское утверждало их священника и проч. и проч. Вот его рассуждение: «Бог знает, что это такое! Сколько сект, раздоров! Мы сами не знаем, что делаем!..» Недалеко от Торжка купец показывал мне место, где была каменная часовня, выстроенная одним проезжающим купцом иногородным лет около ста тому назад. Поводом сему было то, что будто сей проезжающий купец убил на том месте вышедшего из леса человека, почтя его за разбойника, и по приезде в Москву во сне одно привидение приказало ему построить в том месте часовню в память невинно убитого. — Здесь прежде были большие леса, а ныне степь и пашни, где-где рощицы.²⁹

Вот еще анекдот, случившийся в начале нынешней весны, который рассказывал тот же купец, а ямщик подтверждал. Близ Торжка в одном селении неизвестный человек, сказавшись купцом, нанял тройку ямских лошадей до Торжка за обыкновенную цену, по какой ямщики нанимаются от вольных. С ним отпустили мальчика лет 15, ямщикова сына. Более двух недель не было слуху ни о мальчике, ни о проезжающем; но недавно нашли в лесу мальчика убитого, а лошади пропали.

Мы приехали в Торжок ночью часу в первом. Я остановился на постоялом дворе.

Апреля 30. Среда. Город *Торжок*.

Пользуясь прекрасным утром, пошел я с суковатою своею тростью гулять по городу. Квартира моя была в Затверецкой части.³⁰ Я перешел через Тверцу-реку по мосту, вошел на гору и иду мимо высокого столба, который называют колодцем. Это был прежде фонтан. Я поднялся еще выше на гору к церкви старинной архитектуры, обошел кругом каменной фигурной ограды ее, спустился к гостиному двору. Тут в каждой почти лавке видел матрасы, порт-фёли, башмаки и книжки сафьянные, шитые золотом, что составляет важнейший торг сего города, прочий товар мелочный. Отселе, чрез харчевенные ряды, прошел на берег Тверцы, видел соборную большую и темную церковь с старинным иконостасом;³¹ продолжал путь мой далее по правому берегу Тверцы-реки, восходил беспрестанно выше по неровным буграм мимо деревянных строений и очутился на высоком крутом валу, с которого открылся весь Борисоглебский монастырь,³² окруженный высокими деревьями, стоящий величественно на возвышенном берегу Тверцы. Надобно было осторожно спуститься по тропинке с высокого крутого вала в глубокий овраг, потом опять подняться на гору и чрез загороженные высокие деревья и бугры (которые называют монастырским садом) пройти к монастырю. Мне указали ход чрез Святые ворота к церкви.³³ Я вошел в огромный великолепный храм с благоговением; священная тишина в пространной пустоте сего храма наводит какое-то уныние, два только голоса раздавались в сей пустоте, монахов, служащих молебны нескольким стоящим тут поселянам в приделе с правой стороны. Осмотрев кругом внутренность храма, подошел я к алтарю, взглянул на пьедесталы, стоящие по обеим сторонам царских дверей, на которых под хрустальными колпаками лежат молоток и лопатка с надписью, означающей время, когда заложен храм сей великою Екатериною. Я с любопытным вниманием рассматривал живописные образа: Благовещения и Успения Пресв<ятой> Богород<ицы>. Никогда еще не удивляло меня столько живописное искусство, как здесь, особливо последний образ. Мертвое тело Богородицы и печальные лица апостолов изображены весьма натурально. Один старец, сидящий при гробе, опершись на колено, представлял чрезвычайно выразительно горестное лицо и — даже вздохи.³⁴ — Еще две картины на правой стороне алтаря превосходного ж искусства с надписями из Евангелия: «Глава КИ. стих В–Д и Глава КА. стих ЛГ–ЛЮ.»³⁵ На последней написан страдающий под ударами дубины и кинжала нагой человек. Багровая кровь льется из ран, и кинжал, омоченный в крови, занесен еще для новых ран. Надобно соблезновать, рассматривая сию картину.

С сердцем, наполненным удовольствия, вышел я из церкви, обошел вокруг стен монастырских и чрез улицу взошел опять на крутой вал с другого конца его. Отселе видна была вся Борисоглебская часть города, построенная на холмах между глубоких оврагов с текущими в них ручьями; прошел несколько шагов по валу, усаженному изредка берёзками, где бывает по праздникам гулянье здешних девушек, посидел на лежащих тут чугунных пушках, спустился с вала, прошел по берегу крутого оврага к Тверце, видел несколько мельниц, построенных по текущему в нем ключу. Мне сказывали, что по всему городу проведена вода сего ключа чрез подземные трубы.³⁶ Спускаясь ниже под гору, мимо рядов, встретился я с гренадерами Сенатской роты,³⁷ идущими из Москвы в Петербург, спросил о князе Биб...,³⁸ мне указали его квартиру. Тут я нашел многих офицеров за завтраком, мы обнялись с князем как друзья. — Рота выступала из города с церемонию, я проводил их чрез Тверцу и — распрощался. Заходил в церковь женского монастыря, прошел по горе мимо дворца, взглянул с сего возвышения на строения, на церкви в городе и возвратился на квартиру. Добрая, ласковая (из интереса) хозяйка угостила меня изрядным обедом в моей комнате; сын ее принес мне множество шитых золотом башмаков, я выбрал две пары, запечатал в пакет, написал письма и оставил хозяину для отправления на завтрашней почте к вам в Москву.³⁹

Хозяйка моей квартиры, спрашивая меня о месте, откуда я еду, приняла Симбирск за Сибирь и удивлялась, как можно ехать так далеко. Гаврила мой сказал, что мы уже едем с лишком год — что некоторым образом справедливо. — Я не рассудил доказывать ей различие Сибири с Симбирском. Может быть, по сей причине и хозяин, молодой сын ее, почитал натуральную суковатую трость мою из камчатского дерева, иначе бы она в глазах его не заслужила такого внимания, с каким он ее рассматривал. — Прощайте! — «Милости просим, барин, вперед», — говорили они, как я поехал.

Отъехавши не более 4-х верст от города, поднялась ужасная буря, сильный дождь промочил меня насковозь. Я принужден был остановиться у ворот первого дома, проезжая чрез небольшую деревню, вошел в избу и лег было отдохнуть, но дождик перестал, и мы поехали. — Во всю дорогу от Москвы нашел я здесь одного еще доброго, ласкового хозяина, бескорыстного. Он не просил и не взял ничего с меня за несколько минут, проведенных в его доме. Дорогою заметил я это ямщику моему, и он сказал мне, что, верно, недавно еще переведен он на большую дорогу из какой-нибудь глуши, а потому и глуп так. — «Слава уму и просвещению вашему!» — сказал я и промолчал до самого Выдропуска.

В *Выдропуске* у почтового двора стояла щегольская карета и повозка. Мне сказали, что едут из Петербурга какие-то два полковника. Я взошел

в комнату, из проезжающих господ один, высунувшись из окошка, кричал громко на ямщиков, а другой, довольно дюжий, сидел возле стола в гусарском виц-мундире, в суконной шапке, с черными усами и с трубкою в роту. Он приподнял свою шапку и отплатил мой поклон. Потом, чрез несколько минут, поглядывая на меня, расхаживающего по горнице, спросил учтивым образом, откуда и куда я еду, какова дорога и о цели моей поездки. Я удовлетвовал его короткими ответами на каждый вопрос, расспрашивал взаимно о дороге, ими проеханной. Тут оборотился и товарищ его в франтовском сертуке; они оба жаловались мне на худую дорогу, сказывали, как изломалась их двухтысячная новая карета от дурной дороги. — Почталионша подъехала ко мне с чайком и за три чашки воды с сахаром взяла с меня, как за добрые три чашки шоколада. Господа полковники,* пожелав мне счастливого пути, поехали, а я остался еще за лошадьми.

Из Выдропуска ехал я до Вышнего Волочка по самой худой, мощеной круглыми бревешками дороге. Ветер был сильный и холодный; я жестоко озяб и ночью уже, проезжая небольшую деревню, просился под окошками одной избы одеться теплее, тут не пускали меня, говоря, что и там не тесно.⁴⁰ Ямщик мой был счастливее и выпросил у хозяев на одну минуту пробить мне. Я взшел в избу, отогрелся, оделся теплее, пошутил над их жестокостию, заплатил за тепло и поехал.

В Вышний Волочок приехал уже на рассвете. Постоялый дом весьма неприятен был для меня по худому расположению и по холодным, нечистым комнатам. Спал очень беспокойно.

Мая 1-го. Четверток. Утро.

Город *Вышний Волочок*.

Здесь думал я встретить с удовольствием любезный май, цветущий весенний месяц, но природа покрыта была мраком. Под бурными облаками я вышел на Цнинский канал,⁴¹ ужасный холодный ветер едва не сшибал меня с ног. Несмотря на то, однако ж, я дошел до Цнинского шлюза, видел затворы и машины, коими действуют во время спуска и запираения воды, видел домики и пирамиды близ шлюза по обеим сторонам канала, построенные из красноватого гранита, возвратился по тому же берегу, прошел чрез мост по деревянной набережной, построенной в воде, близ берега, к славному мосту на Тверецком канале, механической работы. Он составлен из спирающихся один в другой брусьев; и кроме концов его, с одного берега на другой утвержденных, висит над водою, так что под него подходят барки. Весь мост покрыт кровлею, под которою сидело тогда множество народа, на построенных по обеим сторонам лавках.⁴² Тут торгуют

* Это были г<оспода> Шульгин и Делянов.

разными фруктами, калачами и пряниками. Собрание толпящегося народа на мосту, как в длинной галерее, составляет немалый рынок. Я расспрашивал, давно ли и кем построен сей мост? Мне сказали, что больше 20 лет и что строил какой-то *иноземец*. Отселе взглянул я на бейшлот, отстоящий от меня саженьях во ста (так! — А. С.), на оба канала, Тверецкий и Цнинский. Поверхность воды в них покрыта была вся нагруженными барками, так что от давления оных и от накопления воды выступила она на берега, и вся набережная (деревянная) была затоплена и уже составляла средину Цнинского канала.

Я прошел к гостиному двору, потом к соборной церкви,⁴³ тогда служили обедню, вошел в церковь, в коей было довольно много молельщиков, рассматривал высокие колонны, поддерживающие своды, и хоры, занимающие большую половину церкви. Иконостас и все образа худой иконной работы. С особенным любопытством смотрел я на поставленный с правой стороны левой колонны большой образ, весьма карикатурной работы с надписью: «Похвала пресвятой Богородице». Богоматерь написана в большом красном кругу, сидящая на табурете, в правой руке держит крест, а в левой скипетр. Под ногами луна вниз рогами, а на плечах у нее превеликие крылья!.. Я не видывал еще подобных изображений, пожал плечами и вышел из церкви, мечтая о разных мнениях и делах человеческих.

Удивительно, что в таком городе, который стоит между просвещенными столицами; который наполнен всегда людьми из разных городов, проезжающими беспрестанно туда и сюда; где во время ярмонки (июля 8 числа)⁴⁴ съезжается множество дворянства, — в таком городе большая часть жителей остается еще в загрубелых от невежества предрассудках. Лучи просвещения, так близко сияющие около сего города, столь медленно проникают в недро его; едва ли не больше найдешь здравомыслия между жителей наших отдаленных городов?⁴⁵

Хозяин каменного дома, где я стоял, есть купец сего города, он был в отлучке по торговым делам своим. Я разговаривал с его матерью и сыном Алексеем, умным смелым мальчиком, которого бабушка называет по тамошнему произношению Лёша. Он сказывал мне, что прежде был в народном училище, но отец его выкупил оттуда, отдал из платы какому-то дьячку, который доучивает его часовнику и скоро начнет учить Псалтырь. «В народном училище, — говорил он, — у нас очень мало учатся; почти все отцы берут назад детей своих для того только, что там учат грамоте не по-нашему». Он разумел чрез сие гражданские, а не церковные письмена, и что вместо «Аз, Буки», учат «А, Бе» и проч. Я внушал ему о пользе тамошнего учения, и мальчик сам, чувствуя свои выгоды, говорил мне, что он бы теперь знал уже и *рехметику*, ежели бы не взяли его из училища. — «Вон один знакомый мне купецкий сын со мной вместе начал учитьца,

оставался там и теперь уже сидит в лавке, умеет читать гражданскую печать и знает *рехметику*. Я буду опять проситца у батюшки лучше в училище».

На улицах, в гостином дворе, в церкви и по обеим берегам каналов, было множество людей, но — подивитесь! Я ни одного человека не видал в немецком платье; все в русских кафтанах, с бородами. Может быть, сырая ветреная погода была причиною, что здешние франты и франтихи — ежели есть они — не показывались в открытых местах.

Барок накоплено было в каналах сверх меры, но спускать их в Цинский шлюз препятствуют сильные ветры. Я очень жалел, что не удалось мне видеть сего любопытного зрелища. Назначен был нынешний день для спуска, но ветер еще увеличился, отложено до субботы. Я не рассудил жить так долго и поехал после обеда, будучи доволен моею хозяйкою, а хозяйка, добрая старуха, довольна была посредственною от меня платою за постой, за сливки и за обед. Я удивился, что она положила на мое рассмотрение назначить всему цену и не просила, как другие, прибавки к предложенному ей количеству.

Дурная дорога до Хотилова меня измучила. Ужасный холодный ветер продувал сквозь всего моего теплого платья (так! — А. С.). Я жестоко озяб, и в сердце моем были самые мрачные ропотные мысли против природы и судьбы.

В *Хотилове* согрелся я в теплой комнате у почтового смотрителя. Тут в первый раз еще увидел тоненькие белые листки соснового сока, называемые *мязгою*,⁴⁶ которые едят здешние жители вместо лакомства. Я отведал, разжевал и не мог проглотить.

У хозяйки сидела гостья, молодая почталионьша из Яжелбиц. Она с одною старухою идет оттоле пешком по обещанию к часовне близ Вышнего Волочка, поставленной на болоте, где явился чудотворный образ. Жалуется на какую-то женскую болезнь, которою давно страдает, и путь сей избрала она, по совету многих и по собственному обещанию, для исцеления. Надеется верно, что молитва после такого трудного путешествия исцелит немощную. — «Кланяйтесь, сударь, моему мужу: вы завтра поутру будите в Яжелбцах. Скажите ему, что меня здесь видели». Сопутница ее, старуха, увидала у меня медные деньги, которые принес ямщик от разменной ассигнации, выпросила *ради Христа* 5 ко<пеек>.

«Помолитесь и за меня, честные труженицы, явленной иконе болотной», — сказал я и поехал.

Ядрово. Вечер. Я проехал мимо дворца, где стояло множество карет и колясок.⁴⁷ Это был дорожный экипаж графа Ни. Ив. Салтыкова.⁴⁸ Он едет в Петербург и здесь ночует. Под экипаж его заготавливают только 126 лошадей.⁴⁹ — Около дворца толпилось много зевающих мужиков. Я подь-

ехал к почтовому двору, тут также стояла карета и повозка; в комнате сидел пожилой человек почтенного вида в дорожном сертуке, поклонился мне учтиво, расспрашивал меня о дороге и о поездке моей. На взаимный вопрос мой сказал мне, что он едет из Петербурга в Казань и в Сибирь. Слово за слово, и мы разговорились с ним более. Он узнал от меня о смерти родственницы его, бывшей княгини К. С. Баратаевой.⁵⁰ — «Вы найдете в Петербурге много удовольствий, — говорил он. — Там очень весело было в начале весны. Теперь там славная красавица италианка, вы ее увидите; она публично показывает свои таланты в верховой езде. Вольтижирует⁵¹ удивительно! Их целая труппа, и они забавляют публику разными редкими штуками». Рассказывал еще о многих фокус-покусах г. Пинетти,⁵² какие он видел в нынешний приезд его в Петербург. — И так я время свое в ожидании почтовых лошадей провел весьма приятно в разговорах с сим любезным, ласковым пожилым человеком. Я не знал, кто он таков, видел только, что почталион обращался с ним почтительно, называя: «Ваше Сиятельство». — «Лошади готовы для вас», — сказал мне почталион, и мы расстались с почтенным стариком как знакомые, он, провожая меня, кланялся и желал мне счастливого пути и удовольствия в столице, а я благодарил его, изъявляя равное желание счастья в дальнем пути его. «Это генерал-лейтенант князь Эрстов»,⁵³ — сказали мне его люди, когда я сел в свою повозку.

По выезде из Ядрова откроются в правой стороне дороги высокие круглые холмы, обросшие кустарником и травой.

— Что это за бугры? — спросил я извозчика.

— Тут в старину воевала Литва, бают, их батареи были.

— Разве не могилы ли человеческих трупов?

— Не знаю.⁵⁴

В левой стороне, под горою, большое Ядрово озеро, освещенное черным солнцем, было для меня приятным зрелищем. Отъехавши не более трех верст по гладкой дороге, начинаешь уже подниматься и спускаться по холмам, и дорога усеяна камнями, окружена кустарниками, лесом и глубокими буераками. Тут начинаются Валдайские горы.⁵⁵

Едешь далее, возвышение усугубляется. — Везде пропасти, камни, ущелины; инде надобно ехать по высокому хребту, между глубочайших оврагов. — Становилось темнее, вечер был тих. — Луна освещала дикие лесистые скалы и воды, текущие в глубине оврагов. В одном месте проехал я возле самого края глубокой пропасти, где мелькала вода, освещенная луною. Я взглянул, содрогнулся и вспомнил любезную Елиз<авету> Мат<веевну> как она обмирала и на маленьких косогорах, во время приятного путешествия нашего к Троицкой Лавре.⁵⁶ Что бы с нею теперь сделалось?.. Я боюсь и рассказами пугать ее...

По Валдайским горам попадалось нам несколько лошадиных трупов и костей, лежащих близ дороги.

— Нет ли здесь волков? — спросил я извозчика.

— Нет, сударь, это падали лошади тогда, как ехала царская свита. Направду, все хорошо ехали, и государь некоторым ямщикам жаловал кафтаны. Да К. П. . . много загнал лошадей; скачет, слышь-ты, ни вись-как, лошади-то и не выдержут. Ну уж а!....

— Молчи, дурак! — перервал я его.⁵⁷

Не доезжая до Зимогорья версты четыре, ямщик мой вдруг соскочил с козел и, не сказав ни слова, побежал изо всей силы в сторону — далее — далее, в овражек, в лесок и — скрылся. Представьте меня на крутых холмах, между лесов и пропастей, в темную ночь, едва освещаемую из-за тучи луною, одного с моим Гаврилою. — «Что ему сделалось? — думал я. — Не помешался ли он в уме? — Нет ли у него какого злодейского умысла? — Что нам делать? — Куда ехать?..» Тысячи химер кружили мою голову...

Продолжение было оставлено до другого времени.⁵⁸

Точно так послано сие было из Петербурга в Москву к друзьям моим, маяя от 14-го числа 1802 года.⁵⁹

Вот письмо мое из Торжка, писанное в Москву от 29 апреля 1802 года.

«Путешественник ваш, мои любезные! уже за 228 верст от вас, переносит разные беспокойствы от неприятной перекладной езды, особливо от худой погоды. Сначала задыхался от пыли, пронзительный весенний ветер растерзал мне все лицо, глаза едва не испортились; потом насквозь пробивал дождик; грязь целыми глыбами летела на меня со всех сторон, избивала ободранное лицо мое в пятны. — Прекрасная прогулка! Стоит московского бульвара! Сверх всего того, кошелек мой уже до половины истощился. Везде просят, то с изломанными руками и ногами, с изуродованным телом, то ямщики и хозяева квартир, всякий доказывает свое право, ложными и справедливыми требованиями. — С стесненным сердцем видел я и истинную бедность — видел и соболезнавал.

Ежели бы описывать вам все путешествие мое подробно, то о сию пору уже составила бы порядочная книга. Скажу коротко, что мне, кроме беспокойства и бессонницы, не приключилось ничего важного, и кажется, будто начинаю привыкать я и к самым беспокойствам. Вчерась около суток пробыл я в Твери; один город сей с приятным своим местоположением и окрестностями уже заплатил мне за все неприятности, мною перенесен-

ные, а что еще впереди будет?.. Надежда на будущее есть сладостная пища для беспокойного сердца.....

Теперь в Торжке принесут ко мне целые тысячи башмаков. Думаю, что не будут проклинать меня на соборах вместе с Ванькою Каином, — из всех постараюсь выбрать лучшие.

Я здесь ночевал и все утро ходил по городу, смотрел великолепный храм, из первейших в России, построенный великою Екатериною в Борисоглебском монастыре. — В прогулке моей по Торжку встретился с знакомым мне и всем вам князем Биб<иковым>, мы обрадовались друг другу, я был у него на квартире и потом вместе по городу маршировал с их батальоном. Он спрашивал о вас, о Петре Мих... и велел всем кланяться.

Как-то вы проводите свое время, мои любезные! Верно, забыли бедного странника? Как будто и не бывало меня в Москве, всё прошло!.. Желая вам покоиться на мягких пуховиках. А я!.. как вы думаете? дело делаю; нужда крайняя! беспокоюсь, скачу, куда, зачем?.. Посмейтесь на мой счет.

Андрея Алексеевича мысленно провожаю в деревню наслаждаться весною, читать книги, гулять. Петр Мих. с Иван. Семен. и Роман. Гаври.⁶⁰ пусть гуляют по бульвару! Посмотрел бы, как он в мешке* будет франтить. Вспомните и меня, милые!

P. S. Какой ужасный ветер визжит! дождик накрап<ыв>ает. Я посылаю за лошадьми, чтобы поспеть к завтраму в Вышний Волочок. Прекрасное время как нарочно переменилось для моего путешествия. Природа не веселит меня. Точно такая же мрачность и в моем сердце. Я думал наслаждаться в дороге весною, но вышло противное. Может быть, и в Петербурге не будет весны для моего сердца».

Продолжение
дорожных записок

Я был с четверть часа в таком положении, как появился наш беглец из леса с двумя деревянными брусками. — «Что с тобой сделалось?» — «Да вот спрятал давеча в лесу и насилиу нашел», — отвечал он мне. Браниться с ним было бесполезно, я посоветовал ему вперед не пугать так сумасбродно своих пассажиров.

Приехали в Зимогорье уже поздно. Ямщик мой заслужил свою вину.⁶¹ Он пригласил меня ночевать у себя в доме. Мать его, добрая старуха, накормила меня сливками и валдайскими баранками.

* Англинский фрак широкий без швов.

Маия 2. Пятница. Село *Зимогорье*.

Я переехал уже большую часть Валдайских гор. Теперь в трех верстах только от города сего имени. Прекрасное, большое Валдайское озеро и посреди его остров с монастырем в виду отсель.⁶² Как жаль, что ненастное время не позволяет мне исполнить моего намерения, поплавать по водам сего озера, посмотреть остров, монастырь и окрестности приятного гельветического местоположения!⁶³ Все утро провел я в крестьянской избе за ненастьем. Две пожилые женщины принесли мне валдайских баранков и показались довольно ласковыми и говорливыми, если бы корыстлюбие не очерняло их приветливости. Они неотступно убеждали меня купить их баранки. Я сказал, что и прежде взятых у здешней хозяйки мне девать некуда: «Хотите ли, я и теми подарю вас». Обе они бросились на сию добычу и взяли с радостью, а меня избавили уже от насильственной покупки. Одна из них рассказывала, что она воспитывает дитя, к ней подкинутае, примолвля: «Видно, ваша братья проезжие поцеловали горячо за баранки какую-нибудь девушку». Она выпросила у меня денег на своего питомца, хотела прислать дочерей своих с баранками, попытаться еще выманить у меня что-нибудь, и сказала: «Целуй их, как хочешь».

11 часов 10 минут утра. Я все на одном месте, в доме ямщика моего и без всяких занятий. Дожик беспрерывно льет из облаков, ужасная грязь на улице. Я беспокоюсь о своем выезде, что меня измочит и загрязнит. Мне хотелось бы ехать, переждавши дождик, но, видно, он переупрямит меня.

Сию минуту вошли в избу измоченные четыре старухи, говорящие очень дурно русским языком, а между собою другим, неизвестным мне и для меня новым. Я узнал от них, что они карелы, идут в Новгород на богомолье. В первый раз еще услышал я карельский язык и вижу людей сей нации.

Прогулка моя слишком беспокойна. Я думал наслаждаться удовольствиями в весеннем пути, ходить пешком, рассматривать любопытные места по Петербургской дороге; выехав в самое лучшее время года, думал утешаться природою в цветущем ее состоянии; но вместо того во всю почти дорогу природа столько мрачна! Ужасные бури и ненастья приводят больше в уныние горестную душу мою. Случай и судьба всегда делают по-своему и смеются над нашими предположениями. Иногда и сами мы смеемся над собою, например: я переносу теперь величайшее беспокойство от перекладной езды на открытых повозках, под дождем и холодом, забочусь, скачу день и ночь; а куда и зачем?.. Едва ли не все дела наши столько же смешны!

На всех постоялых дворах, где я останавливался, хозяева, особливо старухи, называют меня добрым барином; оттого ли, что я говорю с ними

ласково, расспрашиваю о подробностях их жизни, не делая ничего им неприятного; или оттого, что многие из проезжающих грубят им самым дерзким образом без причины, чему и я был свидетелем на одной станции?.. Удивительно для меня, как люди пренебрегают спокойствием подобных себе и безвинно огорчают только за то, что судьба поставила в низкой доле одних перед другими!

2 часа 25 минут пополудни. Дожик не думает переставать. Всё небо обложилось тучами. Я сижу под раскрытым окном, пускаю в него дым из моей трубки и смотрю на проезжающих и проходящих по улице. Вот идет бедный слепец по грязи, в раздранном рубище, с какою-то ношею и с завязанным лицом; он держится левою рукою за ведущего его мальчика. Горестно видеть человека, убитого бедностию и болезнию, двумя злейшими врагами нашего благоденствия.⁶⁴ — Чрез минуту после того проехало несколько карет, колясок и повозок. Какое различие от человека, подверженного всем нуждам и бедствиям в жизни, до человека, живущего в изобилии и роскошах! если бы тот и другой могли чувствовать сие различие!.. Судьба! судьба! ты неисповедима в своих игрушках!..

Я не переждал дождя. В 5 часов пополудни⁶⁵ выехал из Зимогорья. Слякоть и дождь делали весьма неприятною мою дорогу. Спускаясь под гору к Валдаям, в правой стороне открылось большое пространство вод славного Валдайского озера и посреди него, в синете, сквозь дождевые капли виден был лесистый остров с монастырем. Картина прекрасная! Жаль, что я не мог любоваться ею за мрачным, ненастным временем. Я проехал в Валдае мимо торговых рядов и по косогору мимо дворца. В рядах милovidные девушки с улыбкою выманивали у меня денег за баранки, но боялись выйти из-под каменных аркад, чтобы не замочиться на дожде. До самых Яжелбиц дожик не переставал литься на меня. Все платье и постелю мою перемочило и забрызгало грязью.

В *Яжелбицах* исполнил я поручение молодой почталионьши, поклонился ее мужу и сказал ему, что я видел ее в Хотилове. — Смерклось уже, как я выехал из Яжелбиц. Прескверная дорога размучила меня до станции *Рахиной*. Дожик еще сильнее лился. Я не в состоянии был далее ехать и расположился было ночевать в Рахине. Тут уже все спали; нельзя было найти покойной квартиры в такую темную, дождливую ночь. Мне указали одну высокую избу близ почтового двора, я взшел в нее и нашел там полную избу, набитую постояльцами. Что делать? Голова у меня жестоко болела от беспокойства и бессонницы, но квартира не обещала никакого успокоения. Я решился уже переехать еще 16 верст до Крестцов, надеясь на остаток сил моих. Новый ямщик просил меня, чтоб я позволил ему везти

только на двух лошадях, заплатя ему за тройку, обещал сыскать крытую кибитку и — тотчас доставить в Крестцы. Итак, мне в кибитке лучше будет, думал я. — «Прощайте! вот тебе, хозяин, за беспокойство твое». — Уехал.

Бог знает, как я мог перенести ночной сей переезд. Решетчатая крышка с рогожею, прикрепленная к телеге, была так низка, что мне нельзя было приподнять голову. Я лежал на локтях, то на том, то на другом, и при малейшем движении моем получал крепкие удары в голову верхними дугами кибитки. Сквозь рогожи протекали дождевые капли на лицо мое. Наконец я приехал в Крестцы пополуночи в 3 часа пред утренней зарею, с разбитою головою и грудью, с измоченным и загрязненным платьем, по пре-скверной тряской дороге.

Крестцы. Мая 3. Суббота.

Можно ли рассматривать сей бывший город изувеченному, больному человеку? Я выглядывал из моей тесной клетки, когда мы ехали по круглым бревешкам грязной крестецкой улицы, мимо пустого каменного строения, в котором прежде были судебные места. Ночной мрак и дождь не позволяли ничего мне видеть. Я беспрестанно только спрашивал, скоро ли будет конец моим мучениям, и думал, что ни за какие миллионы, ни за какое благополучие в жизни не соглашусь я продолжать еще далее мой путь. Слава Богу! наконец мы на квартире; принесли грязную постелю и чемодан мой, развесили мокрое платье. Я перевожу свободно свое дыхание в крестьянской избе. Вдруг откуда ни взялась предо мною маленькая человеческая фигурка, в синем толстом сертуке, подпоясанная кушаком, с похмельным лицом и лысою головою. На боках и на затылке головы торчали седые клочки волосов. «Не погневись, ваше високородие, ваше сиятельство, ваше пре<во>сходительство! я не снаи как насфать, мошна ви кнась, мошна краф. Я виспаль, кодил по улиц». Вот что говорил мне, кланяясь, похмельный немец. Фигура, рост и выговор, кроме лысой головы его, были точное подобие самарского забавного шута Б...на.⁶⁶

— Ф какоим опразом меин гер! Что тебе надобно? — спросил я.

— Нишево, пагушка, так я виспаль, не погневись, мне скушна.

— Не из Саксонии ли ты?

— Нет, мой Виртемберг Штутгард.

— Давно ли ты здесь, и зачем?

— Тафно, я шиль уф-Петербург, стесь тафно, шиль уф Коротнишь, уф-теревнях пахасатам — мой портноя.

— Ну, караша, мой трук люблезный, прощай! Мне надобно отдохнуть.

Он попотчевал меня табаком, поклонился и ушел, повторяя свое извинение: «не погневись». Хозяин говорил о нем, что он давно живет у них в селении и ходит из двора во двор, — что где выработает денег, пропи-

вает в кабаке. — После беспокойства моего я крепко спал здесь, проснулся уже не рано, обрадовался ведренному дню, расплатился с хозяином и поехал.

В *Зайцове*, как и по всей дороге, сколько проехал, не видал я *ухарских* ямщиков, о которых говорят так много, не слышал их ни заунывных, ни веселых песен;⁶⁷ а ежели кто-нибудь из них и затягивал, то таким странным голосом и нелепыми словами, что противно было слушать. — Дорога от часу хуже становится, чем ближе подъезжаешь к Петербургу. Между всякой станции (так! — *А. С.*) иду я пешком верст по пяти и более для облегчения чувствуемой боли в груди и голове. Тряская и худо вымощенная дорога сему причиною.

Подъезжая к *Бронницам*, издалека еще увидел я высокий холм или лучше гору конической фигуры, с каменною церковью на вершине ее.⁶⁸ Ту гору, которая, по преданию, известна была в глубокой древности по славному капищу и оракулу, коего приезжали вопрошать многие северные владетели. Распаханные борозды по отлогостям сей горы делали ее полосатою. Мы проехали мимо ее, остановились у дворца, стоящего при въезде в Бронницы. Я отпустил экипаж мой до почтового двора, а сам пошел на гору, по тропинке, лежащей от селения. Восхожу выше, рассматриваю огромные дикие камни с трещинами, обросшие мхом. На самой вершине растут деревья. Я посмотрел на небольшую каменную церковь, обошел вокруг всей вершины горы, остановился на западной стороне и увидел вдали необозримое пространство вод, слившихся с небесами. Заходящее солнце освещало сию великолепную картину. Я прислонился к дереву, и, будучи один на сей высоте, окруженный тишиною и романическими видами окрестных мест, мечтал о древних баснословных временах, думал о моем отдаленном жилище, о людях, мне любезных и любящих меня. — Думают ли они теперь обо мне, где я и что вижу и чувствую? — Нечаянный удар в колокол на сей горе прервал мои размышления; я содрогнулся, оборотился к церкви, подошел ближе к ней и увидел на колокольне четырех мужиков с котомками за плечами. — «Не знаете ли, что это за воды, вдали видимые?» — «Озеро Ильмень», — отвечали они. — Я сошел с горы вниз. В селении лошади уже готовы были. Итак, отसेле приеду я в Новгород, древнейший из всех российских городов и испытавший столько бедственных перемен над собою. Какая пища будет для любопытства и воображения! Неприятно было только то, что дальний переезд по дурной дороге кончится уже ночью и что не удастся мне видеть издали картины города и его окрестностей.

Вечер был прекрасный. Я переезжал из Бронниц чрез быструю разлившуюся реку Мсту на пароме; со мною сидели две молодые женщины и несколько мужчин. Из разговоров с ними узнал я, что можно бы мне

было ехать отселе водою до Нова-города, за ту же цену, но с лучшим покоем и удовольствием; жалел, что не знал о том прежде. Переправившись через реку, поехал по тряской мостовой дороге. — Около трех часов мы ехали, но солнце не совсем еще закатилось. Вечерний свет его румянил открывшиеся окрестности Нова-города и разлившиеся воды Волхова. — Вот в правой стороне монастырь Варлаама Хутынского;⁶⁹ влеве к городу светлые воды и деревеньки, рассеянные по зеленым берегам и островам при разливах вод. — Впереди издалека еще открылась приятнейшая картина города. Множество церквей и строений, казалось, стояли на самой воде разлившейся реки Волхова. — От Варлаамских *мнихов* идет пешком через дорогу какая-то священная особа в синей рясе, с распущенными волосами под круглою большою шляпою. — Мимо нас встречу проехала коляска из Нова-города с двумя молодыми франтами. Солнце закатилось, сумрак затемнял уже предметы, как мы подъехали к заставе Нова-города. — Тут записали мою подорожку. Подъезжаем к трактиру, где я хотел остановиться, экипажей множество; нет места, все занято. Поблизости от трактира был постоялый двор, мы постучались у ворот; толстая купчиха выглянула в окошко и говорила, что комнаты заняты, осталась только для самих хозяев; назначила необыкновенную цену, ежели мы хотим остановиться.

— Нам надобен один уголок.

— Мне не перегораживать для вас, — сказала с сердцем и закрыла окно.

— Не гневайся, голубушка!

Я послал моего человека осмотреть покой, потом взошел сам, помирился с хозяйкою и ночевал в их комнате, на покойной постеле. — В другой комнате, возле моей, стоял ехавший из Петербурга генерал Талызин.⁷⁰

Маия 4. Воскресенье. *Нов-город.*

Солнце уже высоко взошло, как я проснулся. День был прекрасный, каких я не видал еще в дороге. Я пошел прогуливаться по городу. Иду мимо дворца с садом, стоящего на берегу Волхова. Мне встречалось много людей, одетых в праздничное платье, и молодых армейских офицеров. Здесь стоит Белозерский пехотный полк;⁷¹ прохожу по большому мосту с перилами через Волхов. На мосту толпится народ разных состояний. Я остановился на середине и любовался видами города с церквами и монастырями, построенными по обеим сторонам разлившейся реки. Иду далее в крепость, смотрю на каменную стену, ее окружающую, разрушавшуюся уже в некоторых местах и обросшую мхом от древности, нахожу сходство с московским Кремлем. Внутри сей крепости большая площадь, окруженная каменными зданиями судебных мест, архиерейского дома и проч. Древнейшая соборная церковь святяга Софии возвышалась посреди площади. Я взглянул только на все это мимоходом и возвратился опять чрез

мост на Торговую сторону.* Прошел мимо гостиного двора; начинали благовестить к обедни. Все церкви были отперты. Я взошел в старинную каменную церковь Знаменский собор, в коем стены расписаны дурною иконною работою, изображающею суд иудеев над нашим Спасителем, и предметы выбраны довольно странные. — В другой, небольшой церкви Спаса Преображения, стоящей близ сего собора, дневной свет чрез малые окна слабо проникал во внутренность ее. Людей никого еще не было; старый священник, приготовляясь служить литургию, стоял на коленях пред царскими дверьми с распростертыми руками и молился один, без свидетелей. Такая картина поразительна была для чувствительного сердца, не развращенного суемыслием. Она произвела глубокое впечатление в душе моей. Несколько минут смотрел я с сердечным умилением на сего старца, не будучи им примечен, и вышел тихонько с благоговейными чувствами. Прошел опять в Кремль и в Софийский собор, где служил уже обедню архиерей; церковь наполнена была народом. Я видел тут губернатора, многих чиновников и красавиц новгородских. Слушал архиерейских певчих и мысленно переносился в Москву, к Никите мученику, сравнивал Колокольникова певчих с сими и находил большое различие для слуха.⁷² Обедня кончилась; большая часть здешнего дворянства пошла прогуливаться на Торговую сторону. Я перешел с ними чрез мост и по берегу Волхова поворотил вправо к стороне Юрьева монастыря.⁷³ Мне хотелось видеть городище, известное место древнейшего города Славянска,⁷⁴ и отыскать его признаки, ежели они существуют. Спрашивал о сем городище встречающихся со мною людей, и мне сказали, что надобно к нему ехать водою, ибо оно отделяется от города разливом Волхова. Я нанял лодку; молодой человек из перевозчиков повез меня в Городище; со мною села старая женщина мещанка, порядочно одетая. Мы плывем по гладкой поверхности вод, ярко освещенных полуденным солнцем. Зеленые берега, острова, город с церквями и монастырями составляли для меня приятнейшее зрелище с открытой поверхности вод. — Вот разговор мой с женщиною и с перевозчиком:

Я. Не здесь ли ты родилась, бабушка?

Старуха. Здесь, батюшка, родители мои были архиерейские служки. Мы жили прежде в Городищах и давно уже переселились в Нов-город. А ты, мой батюшка, зачем едешь в Городище? Не к Елизару ли Максимовичу?

Я. Нет, бабушка, я там никого не знаю, я проезжающий, еду погулять, посмотреть.

* Город разделяется рекою на две части. Та часть, где Кремль, называется *Софийскою*, а другая *Торговою*.

Старуха. А я еду к Пелагее Григорьевне, она мне племянница, да и Елизар-то Максимович мне родственник.

Я. Кто они такие?

Старуха. Кожевники.

Я. Ты уже давно живешь на свете и в Нове-городе; скажи-ка, бабушка, не слыхала ли ты чего о старине здешней, о Гостомысле, о Вадиме, о Марфе Посаднице?

Старуха. Што это, батюшка, святые, што-ли, были?

Я. Нет, это в старину известные здесь были люди по их знатности и могуществу.

Старуха. Нет, батюшка, я об них ничего не знаю, а вот слышала, что на этом берегу (указывая на Торговую сторону) жил Арсений Преподобный, а на том (указав на Кремль) — жил Никола Качанов. Они спасались, мои батюшки, в своих кельях, езжали друг к другу в лодочках и однажды как-то рассорились. Арсений Преподобный погнал Николу Качанова с своего берега; он побежал чрез его огороды и ухватился за качан капусты. Арсений Преподобный сказал тогда ему: будь ты отныне и до века Никола Качанной, так он и поныне называется... Какое было местечко прекрасное на этом берегу! Арсений Преподобный назначил сам себе, чтобы его не трогали оттоле, как он умрет; однако после перенесли его, батюшку, в Кириллов монастырь.⁷⁵

Я. От кого это ты слыхала, бабушка?

Старуха. Как, батюшка! Здесь малые ребятишки все знают.

Перевозчик (работая веслами). Да, это все знают: вон тоже рассказывают о святом Феклисте, что в Юрьеве монастыре, как он трудился в лесу...

Я, перервав такой разговор, спросил: «Как зовут вашего архиерея?»

Перевозчик. Которого?

Я. Разве их два здесь?

Перевозчик. Два, один *Антоний*, а другой-то так, лишний, *Вихтурий*, што-ли, не знаю как зовут.⁷⁶

Между тем пристали к берегу. Старуха пошла к своей племяннице, перевозчик остался в лодке, а я пошел на гору мимо крестьянских хижин. Какая нечистота по берегу и по косогору, где построены сии хижины! Отвратительно для взора и обоняния. Здесь живут только кожевники и украшают улицу и дворы нечистотою и сором от их работы. Все селение сие, называемое *Городищи*, не составляет и двадцати дворов. — На возвышении стоит пустая каменная церковь; далее распаханная земля и по ней несколько садовых яблонных деревьев, поломанных и засохлых. Тут был прежде архиерейский сад. Я искал и не нашел здесь не только остатка каких-нибудь признаков бывшего за тридцать веков пред сим города Славянска, но и подобия, чтобы мог существовать когда большой город, не

приметил, малое пространство *Городищ* окружено со всех сторон разливами Волхова. Ежели и были какие признаки, то, верно, загладились рукою времени; все поглощено в бездне прошедшего!.. Может быть, сия воды, светящиеся перед глазами моими, сия земля, по которой иду я, покрывают несколько тысяч древних предков моих. Может быть, все признаки жилищ их и сокровищ, которые доставали они с такими заботами, суетами, какие видны в мире эфемерных существ, запасавших себе на целую вечность, — превратились в слои земные и углубились в ее недрах. — Всё существование *великого Славянска* и признаки его остались только в книгах и в нашем воображении. — Мудрено ли чрез столько же времени загладиться всем признакам и нынешнего Нова-города? Мудрено ли разлиться водам на теперешней его Кремлевской площади или возвыситься земле на тех водах, по которым я плыл сюда?..

Я выбрал самое лучшее место на крутом зеленом берегу близ церкви, сел на мягкой траве и срисовывал карандашом прелестные виды. — Прямо пред глазами моими Юрьев монастырь, окруженный каменною стеною, стоящий на острове, облитом светлыми водами Волхова; вдаль видна чрез пространство разлива на другом берегу реки старая церковь, в правой стороне возвышаются каменные колокольни церковей и монастырей новгородских, кремлевские стены с башнями и вся картина города; в левой стороне необозримое пространство вод *Ильменя-озера*, слившегося с Волховом и с горизонтом, отражающие (так! — *А. С.*) на гладкой поверхности своей солнечный свет и чистое небо. Какая прелестная картина! Впечатление ее надолго останется в моей памяти.

Мне вздумалось побывать в Юрьеве монастыре. Я пришел к лодке, договорился с перевозчиком, поехали и пристали к острову. У монастырских ворот сидели два монаха, поклонились со мною; один из них, седой старик, пошел со мною внутрь монастыря. Там среди площади церковь, а по сторонам кельи и дом архимандрита, каменные. Монах сказал мне, что любопытного тут ничего нет, «а ежели угодно погулять вам в саду, то извольте идти в сию калитку».

— Это что за барыни сидят пред открытыми окнами?

— Гости из города у здешнего эконома.

Я прошел в сад мимо сих окошек, гости из города отплатили мой поклон. В саду ничего не нашел я хорошего, кроме большого пруда, везде хворост, сучья и высокая густая трава; нет ни одной дорожки. Высокие деревья покрыты гнездами ворон, которые беспрестанно кричат, перелетая с дерева на дерево. Я скоро вышел из сада и из монастыря. Старый седой монах провожал меня до берега, он говорил не чисто русским языком. Это заставило меня спросить его, какой он нации, и узнал, что он пруссак из верхней Силезии, по фамилии Линтнер, а нынешнее имя его Иосиф,

что он был смолоду в прусской службе фендриком,⁷⁷ во время войны взят в плен русскими войсками и лет с сорок уже живет в России, не захотел возвратиться в отечество, принял греческий закон, вступил в монашеский орден и теперь иеромонахом здешнего монастыря. В сем чине уже он был во время последней войны с Франциею в Голландии и Англии на корабле «12 апостолов».⁷⁸ Мы посудили с ним о превратности жизни человеческой и простились как знакомые. Он пожелал мне счастливого пути, а я ему спокойного вечера в его жизни — и возвратился в Нов-город.

В 5 часов пополудни выехал я из Нова-города. Здесь имя мое записано в 4-х местах: при въезде и выезде на заставах, в полиции от хозяина и на почтовом дворе. — Проехал мимо фабрик близ города и мимо гулянья новгородских девушек, которые по воскресеньям туда собираются.

В *Подберезье* приехал уже на закате солнца. С удовольствием смотрел здесь на веселые лица молодых поселян, которые у всякого двора стояли и сидели в праздничных платьях; девушки пели песни и играли с молодыми мужчинами.

Отселе вез меня до *Спасской полести* мальчик лет 15, удалой, в полном смысле сего названия. Во всю дорогу разговаривал и шутил со мною, пел песни и — мастерски, рассказывал о своем отце и о молодой мачехе, довольно забавно.

Маия 5. Понедельник.

В *Чудове* я ночевал и несколько отдохнул от утомления. Поутру разбудил меня жалостный и странный крик людей на улице.

Я поглядел в окно и увидел по всей улице и под каждым окном рассыпавшуюся толпу цыган, полунагих, с ребятишками своими, просящих милостыню самым неотступным образом, с обыкновенными их приговорами. Какое неприятное зрелище! Какое унижение человечества!

Ненастное время опять началось. Отселе поехал я в *Померань* и *Тосну*, по каменной мостовой дороге, которая так меня разбила, что я в Тосне принужден был слечь и отдыхал более 4-х часов; чувствовал сильный лом в голове и боль в груди. Вечером уже поздно поехал в Ижору.

Маия 6. Вторник.

Пред утром уже на заре приехал я в *Ижору*. Ночь была претёмная и дождливая, насилу могли сыскать квартиру, где я несколько уснул и тем же утром поехал в Петербург.

Приближаясь к Петербургу, голова моя была наполнена разными мыслями и мечтами. Итак — думал я — скоро увижу великолепный город, о котором так много слышал и мечтал. Сколько пищи будет для моего любопытства! Там найду друзей моих и знакомых, там увижу великанов, с которыми в сравнении так мал я, как неприметный червь. С сими мыс-

лями подъехал к Царскому селу. Жестокий ветер дул мне встречу, тучи носились над головою моею, и я досадовал на ненастное время. — Проезжаю Царское село под мрачным небом, покрытым облаками, из которых накрапывал дождик; оборачиваюсь туда и сюда. Всякий предмет привлекает взоры мои: дворец, сад, развалины, всё великолепно, восхитительно! Но я нигде не останавливался, проехал мимо. Все картины скрылись, как тени китайские; Царское село осталось позади меня. Я подъехал к Пулковой горе, между 15 и 16 версты от Петербурга. Спускаюсь под гору и вижу вдаль в темном воздухе громаду Петербурга, как в тумане, который скрывал все красоты сего великолепного вида. Спустившись с горы, проехал большую деревню Пулкову; виды Петербурга скрылись. Отселе началась перспектива в прямую линию от Адмиралтейства. С 10-й версты от города показался Адмиралтейский шпигель; я большую часть шел пешком и считал каждую версту, которые сделаны из разноцветных мраморов, пирамидальными фигурами. По обеим сторонам дороги посажены в два ряда высокие деревья. Беспреданно встречаются красивые домики колонистов и трактиры с вывесками. Я взглянул на показавшийся из-за деревьев Чесменский замок с его зубчатыми башнями, построенный в азиатском вкусе.⁷⁹ — Вот 18-я верста от Царского села и 4-я от Петербурга. Открылось только несколько красных крыш домов и церквей. В левой стороне блестели жарко вызолоченные главы Николы морского;⁸⁰ подъезжаю еще ближе, и в глазах моих будто вырастает из земли город; однако ж только крыши и церкви, больше ничего. Я подъехал к самой заставе и не вижу ничего великолепного, <ничего> кроме крыш и церквей. — Итак, меня обманули, думал я, прелестным видом Петербурга издали и вблизи.

На заставе должен был я остановиться и войти в кордегардию. Караульный офицер сделал мне подробнейший расспрос: Кто я? откуда? зачем приехал? где остановлюсь? долго ли пробуду? — После ответов заставили подписаться, чтобы в 6 часов пополудни явиться мне в ратгауз, и отобрали мою подорожную. — Еду по улицам, грязь и камни, строение посредственное, я ничего не вижу еще огромного, великолепного. — Остановился в Семеновском полку. Милые знакомцы мои Пе<тр> Ник<олаевич> и Алек<андр> Ник<олаевич> Усовы⁸¹ мне обрадовались; я принят и обласкан ими как родными.

После обеда вместе с Александром Николаевичем поехали в ратгауз, потом по городу в его коляске. Я видел Зимний дворец, Миллионную, Фонтанку, Мойку, Екатерининский канал с мостами, Гостиный двор, Михайловский замок и огромные строения по перспективным улицам;⁸² следовательно, видел уже великолепную наружность Петербурга.⁸³

Итак, любезные друзья мои, теперь я на месте, кончилось путешествие мое до Петербурга. Я не буду уже скучать вам подробным описанием безделок и обыкновенных приключений, в дороге случающихся со всяким.

Примечания

¹ По крайней мере часть данного текста, судя по дневнику, не могла еще быть готовой ко времени приезда Второва в Петербург.

² Ср. в объявлении об издании «Писем...» Карамзина в «Московском журнале»: «Один приятель мой, который из любопытства путешествовал по разным землям Европы — который внимание свое посвящал природе и человеку преимущественно перед всем прочим и записывал то, что видел, слышал, чувствовал, думал и мечтал — намерен записки свои предложить почтенной публике» (*Карамзин Н. М. Объявление // Московские ведомости. 1790. № 89. 6 нояб. Отд. л.*)

³ *Вот часть из моих записок дорожных ... вы меня коротко узнали.* — Фрагмент присутствует только в окончательной редакции.

⁴ Навагинский мушкетерский полк (основан в 1777 г.).

⁵ Это не единственное упоминание Мальтийского ордена в воспоминаниях Второва. Описывая Зимний дворец в Петербурге, он отмечает, что «поклонился и великому магистру Мальтийского ордена» (цит. по: РНБ. Ф. 163. Ед. хр. 7. Л. 110), т. е. Павлу I.

⁶ Отсылка к «тогдашнему времени» говорит о том, что либо текст был оформлен позднее описываемых событий, либо об имитации этого обстоятельства.

⁷ Петровский дворец, «в котором всероссийские императоры, прежде въезда своего в Москву, мать градов российских, останавливаются» (*Глушков И. Ручной дорожник. 2-е изд. М., 1802. С. 178.* Далее ссылки на это издание приводятся сокращенно: РД, с указанием номера страницы).

⁸ Ср.: «Высочайший обелиск Иван Великий венчает всю сию громаду» (РД. С. 179).

⁹ Ср. фацицию «о дворянине и мужике», который требовал посторониться на дороге и попал представителю высшего сословия оглоблю в спину, разорвав епанчу (*Кукушкина Е. Д. Переводная новелла в рукописных сборниках XVIII в. // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 189–190*)

¹⁰ То есть курильщик. Ср. в редакции дневника ироничное толкование данного ругательства: «верно был это смиренный расколник» (РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 135 об.; далее ссылки на дневник приводятся сокращенно, только на листы рукописи).

¹¹ Из дальнейшего текста видно, что он написан по крайней мере не полностью в 6 утра. В дневнике нет обозначения времени написания этого фрагмента.

¹² Имеется в виду река Сестра.

¹³ Лицо не установлено.

¹⁴ «Из лучших же строений 4 каменные церкви, императорский двор, дома для присутственных мест, училища и богадельни» (РД. С. 175).

¹⁵ «За сим селием (Воскресенским. — А. С.) примечательно хорошее помещичье село г. Бема Городня с каменною церковью и императорским дворцом. В нем прежде отправляли гоньбу казенные ямщики, назначаемые по очереди из других многих ямов» (РД. С. 164). Количество названных Второвым верст совпадает с данными путеводителя, которые, однако, могли расходиться с реальностью. Ср.: «...заметить надобно, что у больших сих переездов верст по три и больше прибавлены по столбам, чтоб взять лишние прогоны. Едущие благодарят, что скоро переезжают станцию и не жалеют о нескольких гривнах лишних, взятых с них» (*Голенищев-Кутузова Е. И.* Журнал путешествия из Петербурга в Хрущово // ИРЛИ. Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 4).

¹⁶ То есть Самару, из которой Второв отправился в Москву и Петербург.

¹⁷ Подобные сооружения сохранились в некоторых местах вдоль дороги, соединявшей две столицы.

¹⁸ Спасо-Преображенский собор (XVII в.).

¹⁹ Настроение, которое овладевает Путешественником в Твери, можно объяснить не только следованием основному источнику сведений о маршруте — «Ручному дорожнику», предлагающему здесь наиболее сентиментальные пассажи, но и психологически — встречей с Волгой. Обращение к реке детства перекликается с началом стихотворения И. И. Дмитриева «К Волге» (1794).

²⁰ Отроч монастырь близ Твери (XIII в.) назван так в честь Григория, отрока князя Ярослава, по легенде, ушедшего из мирской жизни после того, как его невеста стала княжеской женой. Этот сюжет распространился в русской литературе с начала XIX в., особенно после обращения к нему Н. М. Карамзина в «Истории государства Российского» (см.: *Семячко С. А.* Повесть о Тверском Отроче монастыре: Исследование и тексты. СПб., 1994. С. 70 и сл.).

²¹ Воксал — публичный увеселительный сад в Твери на берегу Волги (1776), названный по аналогии с лондонским Воксхоллом.

²² Левый приток Волги.

²³ Трехсвятский монастырь с архиерейским домом (1777–1783) — летняя резиденция тверских архиепископов.

²⁴ Тверской гостинный двор был построен по типовому проекту в 1760–1770-е гг.

²⁵ Единоновской красавицей невеста Георгия названа по ее родному селу Единонову, в котором должно было пройти несостоявшееся венчание. Ср.: «Нет там камня, означющего могилу сего бедного отрока, нет никакой надписи — одни только чувствительные сердца посещают уединенный монастырь тот и проливают в стенах его слезы сострадания» (РД. С. 172–173).

²⁶ Единственный случай открытого цитирования «Ручного дорожника» в записках Второва. У Глушкова письмо приведено полностью, без указания авторства, датировано 1795 г. Возможно, письмо «любезной тверитянки» — мистификация (в нем цитируются подходящие к содержанию всей книги строки Карамзина, ставшие эпиграфом к отдельному изданию «Писем русского путешественника», вышедшему только в 1797 г.).

²⁷ Впоследствии петербургское гуляние в Екатерингофском саду Второв описал сходным образом: оно «подобно московскому в немецких станах; точно так же

и здесь заключенные в каретах глотают пыль, которая носится облаками по дороге. Гораздо приятнее гулять пешком в роще и по берегу залива, приятнее и проезжать водою по Неве» (цит. по: РНБ. Ф. 163. Ед. хр. 7. Л. 127).

²⁸ Николаевский Малицкий мужской монастырь (XVI в.).

²⁹ Данный рассказ можно отнести к реальным дорожным впечатлениям. В путеводителе упоминается безлесная дорога около Торжка, но никаких сведений о церкви не приводится.

³⁰ Торжок состоял из Борисоглебской и Затверецкой частей.

³¹ Спасо-Преображенский собор (XIV в.).

³² Борисоглебский монастырь, по преданию, основан в XI в. преп. Ефремом.

³³ Борисоглебский собор был построен архитектором Ф. И. Буци по проекту Н. А. Львова (1785–1796), в нем сохранились иконы работы В. Л. Боровиковского.

³⁴ В описании иконы Успения Второв следует за Глушковым (РД. С. 124).

³⁵ То есть глава 28, стихи 2–4 и глава 21, стихи 33–39. Имеются в виду фрагменты Евангелия от Матфея: рассказ об ангеле, отворившем гроб Господень, и притча о злых виноградарях.

³⁶ Самотечный водопровод в Торжке сохранялся до второй половины XIX в.

³⁷ Сенатская рота находилась в ведении Сената и состояла преимущественно из дворян; курьеры сенатской роты исполняли сенатские распоряжения, требовавшие посылки нарочных.

³⁸ Возможно, Александр Александрович Бибиков (1765–1822), однако род не был княжеским.

³⁹ См. ниже приведенное Второвым письмо от 29 апреля.

⁴⁰ То есть на улице.

⁴¹ Цнинский канал — часть вышневолоцкой шлюзовой системы, был прорыт М. И. Сердюковым в царствование Петра I.

⁴² Деревянный Тверецкий мост в Вышнем Волочке сгорел в 1801 г., и Второв описывает его, очевидно, не по своим наблюдениям, а по Глушкову, местами дословно цитируя. Ср.: «Сей мост, называемый Тверецким, весьма удивительно составлен из опирающихся один в другой брусьев и без всяких подпор висит над широким каналом так высоко, что нагруженные пенькою барки свободно под него подходят, для прочности он обшит досками и покрыт кровлей, под которую находящаяся галерея служит тамошним лоцманам изрядною биржевою залою, где купцы заключают с ними условия о сgone караванов» (РД. С. 51).

⁴³ Казанский собор (1759–1771).

⁴⁴ Ярмарка в Вышнем Волочке была приурочена к дню почитания Казанской иконы Божьей Матери, покровительницы города.

⁴⁵ Путешественник, ожидающий увидеть либо успехи просвещения в городах, либо естественную жизнь в деревне (оппозиция, усвоенная им из литературы), в столкновении с реальностью не находящий ни того, ни другого, но не разочаровывающийся в своих идеалах, — это образ, стоящий близко к Путешественникам Карамзина и Измайлова. Предположения о предстоящем путешествии и о людях, воспитанные прежде всего чтением, проходят испытание действительностью, увиденной своими глазами, каждодневно; этот Путешественник все время находится в состоянии ожидания. В Вышнем Волочке он встречает последовательно:

технические достижения, неоцененные местными жителями, далекие от искусства изображения святых, одетых в крестьянское платье горожан. Эпизоды, следующие за разочарованием от города, — история купеческого сына, забранного невественным отцом из училища, и знакомство с князем Эрстовым, едущим из Петербурга, — контрастны лишь при поверхностном прочтении, и оба связаны с комментируемым рассуждением. В первом случае дается иллюстрация медленному ходу просвещения в народе, во втором — просвещенный Петербург в изображении достойного человека предстает всего лишь как столица развлечений.

⁴⁶ Мязга или мезга — внутренний слой коры дерева.

⁴⁷ «Большой ям имеет церковь, дворец и хорошие поселянские дома» (РД. С. 96).

⁴⁸ Граф Николай Иванович Салтыков (1736–1816) — государственный деятель, генерал-фельдмаршал, воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей.

⁴⁹ Ср. с экипажем «его превосходительства» в главе «Завидово» радищевского «Путешествия...»: «Его превосходительству с честной его фамилией потребно пятьдесят лошадей...» (*Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / Изд. подгот. В. А. Западов. СПб., 1992. С. 109 (сер. «Литературные памятники»)).

⁵⁰ Екатерина Саввична Баратаева (во втором браке Жукова; ум. 1802). Ее сын М. П. Баратаев — симбирский знакомый Второва.

⁵¹ Вольтижировать — делать трюки верхом на лошади.

⁵² Пинетти (1750–1803) — итальянский фокусник, демонстрировавший в Петербурге свои физические опыты.

⁵³ Возможно, имеется в виду князь Степан Давидович Эрстов (1738–1817), бывший комендантом Усть-Каменогорской крепости (Тобольской губ.). Родственниками С. Д. Эрстова по жене были князья Баратаевы.

⁵⁴ О легендах, согласно которым похожие на курганы холмы в центральной России оставлены проходившими войсками литовцев или других завоевателей, см.: *Панченко А. А.* Паны, литовцы, чудаки и прочие: кто все эти люди и что все это значит? (Псевдонимы и коллективная память в русской крестьянской культуре) // Межэтнические и межконфессиональные отношения в русской литературе и фольклоре: Сб. научных трудов. СПб., 2013. С. 127–136 (сер. «Россия–Запад–Восток». Вып. 1).

⁵⁵ Ср.: «Двадцать верст дорога недалая, однако трудность переезда по беспрерывным холмам, большим и малым горам, длинным утесистым хребтам и яминам, по всему оному пространству рассеянным, наведет такое беспокойство и скуку, что переезд чрез Валдайские горы стоить будет покойной переправы чрез Пиренейские» (РД. С. 95–96).

⁵⁶ Путешествие Второва к Троицкой лавре состоялось в мае 1801 г. с его московскими знакомыми Е. М. Ратьковой, ее дочерью и П. И. Комаровым (л. 25–29).

⁵⁷ Скорее всего, имеются в виду князь Г. А. Потемкин и Павел I, а любитель быстрой езды, которого Путешественник из почтения или опасения не дал назвать ямщику, — либо Екатерина II, либо упоминавшийся выше Н. И. Салтыков.

⁵⁸ Ср. с мелодраматическим концом первой части «Путешествия в полуденную Россию» (1802) В. В. Измайлова: «Солнце закатилось; ночь покрыла природу, и счастье мое угасло с дневным светом. Я очутился далеко от Киева, на ночлеге, без подруги, без сына, один...» (Путешествие в полуденную Россию, в письмах, изданных Владимиром Измайловым. М., 1802. Ч. 1. С. 228).

⁵⁹ О посылке ничего не известно. См. вступительную статью к публикации.

⁶⁰ Речь идет об Андрее Алексеевиче Соколове, зяте симбирского помещика Павла Ивановича Комарова, у которого мемуарист жил в Москве, а также о других московских знакомых Второва: Петре Михайловиче Волкове и Иване Семеновиче Масленко. Четвертого знакомого (Романа Гавриловича) не удалось идентифицировать ни с кем из второвского окружения.

⁶¹ То есть загладил свою вину оказанной услугой.

⁶² На острове посреди Валдайского озера находится Иверский монастырь.

⁶³ В «Ручном дорожнике» ландшафт назван швейцарским (РД. С. 88).

⁶⁴ Зимогорье «есть точное изображение бедности» (РД. С. 94).

⁶⁵ Пунктуальное указание времени, вплоть до минут, в зимогорских записях соответствует описываемому состоянию Путешественника, томящегося в ненастье в ямщицком доме «без всяких занятий». В дневнике сосредоточенность на часах еще более явная: «11 часов 10 минут уже»; «25 минут уже 2 часа» (л. 141).

⁶⁶ Баумгартен — самарский знакомый Второва, саксонский немец. В архиве Второва хранится письмо, подписанное Баумгартеном и адресованное Второву (орфография и пунктуация сохранены): «Милостивой государь патушка Иван Алексеич. Я умер, меланголи високо гратус лечить в мое расум помоге саме мене петне человека что делить я ошитер кашне чаш, дей милосерне бог поскаре смерть, притите ка мне деить мене помощь как да вы мене любить. Ваш нишеишей слуга. Баумгартен. <Приписка сбоку вдоль письма:> я вам одкрою мое сердце» (РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Ед. хр. 49. 1 л. Б/д.). Однако есть вероятность того, что это письмо не подлинник, а часть дружеской игры Второва с его самарскими друзьями, непрофессиональными литераторами А. Ф. Фурманом, Ф. И. Германом, А. Н. Литвиновым и др.; Баумгартен был предметом их шуток и розыгрышей, часть которых нашла отражение в материалах архива Второва: так, в альбоме, содержащем произведения его друзей и его собственные, есть сразу несколько посвященных «забавному шуту» повестушек, сценок и карикатур (РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 8, 13 и др.).

⁶⁷ Ср.: «Любитель музыки, который слышал лучших итальянских певцов и виртуозов, поверит ли, что иногда русские ямщики одно колено песни поют 30 верст, от одной станции до другой. Это случается тогда, как судьба определит ехать с удрученными горестию, бедностию и летами ямщиком», который прерывает свое пение только покрикиванием на лошадей (РД. С. 173).

⁶⁸ На Бронницкой горе, холме, образовавшемся в ледниковый период, которому в XVIII в. приписывалось религиозное происхождение и значение в древности, находилась церковь Иоанна Предтечи, построенная по повелению Екатерины II.

⁶⁹ Варлаамо-Хутынский монастырь (XII в.).

⁷⁰ Скорее всего, имеется в виду генерал-майор С. А. Талызин (1765–1815), бывший шефом Павловского гренадерского полка и 2 мая 1802 г. вышедший в отставку; впоследствии — участник Отечественной войны 1812 г.

⁷¹ Белозерский мушкетерский полк (основан в 1708 г.).

⁷² Певчие купца Колокольниковца из церкви Никиты Мученика на Басманной улице были не только свободными купеческими детьми, но и учились своему искусству в Италии.

⁷³ Свято-Юрьев монастырь (XI в.) — один из древнейших в России.

⁷⁴ «Остатки же древнего города Славенска и поныне видны противу Юрьева монастыря на месте, называемом Городище» (РД. С. 37).

⁷⁵ Юродивые Арсений Преподобный и Николай Кочанов не были современниками: один жил в XVI, а другой в XIV в. Легенда о кочане капусты — переиначенный фрагмент жития Николая, где его соперником выступает юродивый же Феодор. Перенесение мощей Арсения в новгородский Кириллов монастырь (разрушенный во время Второй мировой войны) относится к 80-м годам XVIII в.

⁷⁶ Новгородская епархия не имела своего архиерея, но управлялась митрополитом Санкт-Петербургским и Новгородским, которым в это время был Амвросий (Подобедов), именно его лодочник называет «лишним Вихтурием»; другой — настоятель Варлаамо-Хутынского монастыря Антоний (Знаменский), воспринимавшийся новгородцами как «свой» архиерей.

⁷⁷ Младший офицерский или прапорщичий чин, обычно знаменосец. В русской службе давал дворянское достоинство.

⁷⁸ Вероятно, имеется в виду Голландская экспедиция (1799) во время войны Второй коалиции с революционной Францией.

⁷⁹ Путевой Чесменский дворец (1774–1777) построен в стиле псевдоготики и действительно напоминает замок.

⁸⁰ Имеется в виду Никольский морской собор (1753–1762).

⁸¹ Усовы — петербургские знакомые Второва. Во время коронации Александра он «познакомился с некоторыми из петербургских жителей и гвардейских офицеров. Они звали меня туда, и я надеюсь, что по ласкам их ко мне будут ради мне» (РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 53).

⁸² Возможно, имеются в виду три главные улицы по планировке XVIII в. — Невский проспект, Гороховая улица (тогда — Адмиралтейская улица или Средний проспект) и Вознесенский проспект.

⁸³ Ср. с разочаровавшим повествователя «Писем русского путешественника» въездом в Париж: «Мы приближались к Парижу, и я беспрестанно спрашивал, скоро ли увидим его? Наконец открылась обширная равнина, а на равнине, во всю длину ее, Париж!.. Жадные взоры наши устремились на сию необозримую громаду зданий — и терялись в ее густых тенях. Сердце мое билось <...>. Скоро въехали мы в предместье Св. Антония; но что же увидели? Узкие, нечистые, грязные улицы, худые дома и людей в раздранных рубищах. „И это Париж“ (думал я) — „город, который издали казался столь великолепным?“» (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 214–215).